

Искупка

Иосиф КУРЛАТ

НАШ ПЕРВОМАЙ

МАЙ ● 1971

год издания XV

ЕЖЕМЕСЯЧНИК
газеты
«Ленинский
искорка» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Солнце небу рано на рассвете
Ставит, как на пропуске, печать:
Выходите, взрослые и дети,
Первомай на улицы встречать!
Он идёт оттуда,
Где пожарищ
Над землёю распластался дым,
Где в бою вьетнамский наш
товарищ

Умирает нынче молодым.
Он идёт,
Взбираясь на пригорки,
С грозами весенними на «ты».
Ждут его в Париже и
в Нью-Йорке,
В гетто и в кварталах бедноты.

В Африке встают ему навстречу,
Сжав приклад, вчерашние рабы.
Он идёт,
Обстрелянный картечью,
Обожжённый пламенем борьбы.
Он идёт —
И нет ему запретов —
Мимо пальм, секвой, берёзок,
верб.

Ждём его и мы в Стране Советов,
Поднимая Молот наш и Серп.

Поднимая знамя,
На котором
Ленинский призывный силуэт.
Он идёт через моря и горы
К нам с тобой
Из легендарных лет,

Где жестокий час на баррикадах
Наш кумач впервые обагрил.
Он идёт,
И нет ему преграды,
Кто бы там и что б ни говорил.

Он идёт,
С пути сметая праздных,
Став предначертанием судьбы,
Наш рабочий,
Наш весенний праздник,
Символ нашей дружбы и борьбы.

Видите, как солнце на рассвете
Ставит небу красную печать!
Выходите, взрослые и дети,
Первомай знамёнами встречать!

Рис. Г. Ясинского

Рисунки Ю. Шабанова

П О В Е С Т Ъ

— Я... Я заблудился, товарищ капитан. Не в ту сторону пошёл.

Капитан засмеялся.

— А ты бы в трубу затрубил, как тогда, в тумане, помнишь? Я бы тебя и услышал...

— Не догадался, товарищ капитан! — весело сказал Маленький. «Не знает, не знает про цветок!»

А ТОГДА, в тумане, было вот что. Это случилось на третий день похода. Поздним вечером входили в какую-то реку. С берегов напоз на воду серый туман. Необоримой

стеной катился он навстречу, обволакивая всё вокруг своей вялой пеленой — бакены, встречные корабли, шлюпки... Дышать в тумане было тяжело, одежда стала влажной. Вот тогда капитан и сказал ему:

— Маленький, бери трубу, сигнал. Да почаще, погромче, а то, не дай бог, напоремся на кого-нибудь...

И Маленький трубил, трубил во всю ивановскую, из последних сил трубил, пока не подошли они к свайному домику бакенщика и не пришвартовались.

Будто клочья тумана, разнесённого утренним ветром, оста-

Продолжение. Начало в «Искорке» № 1 за 1971 г.

лись в его голове после той ночи отдельные картинки, звуки, состояния — зов корабельной сирены, кашель старика бакенщика, лай собаки, падающий в туман, как в колодец. Жуткое и прекрасное ощущение невидимого корабля, проходящего рядом.

Глава двадцать первая

А И Н А

— Ленц, на вёсла. Еремин, Каштанов, Кошельков, — на весла... — Капитан задумался.

— А ещё кого? — спросил Каштанов. — Кто ещё пойдёт?

— Ещё Петров пойдёт. Вместо Чубарева. Чубарева к гонкам не допускаю, — хмуро, изпод бровей, закончил капитан.

Маленький прыгает в шлюпку, садится рядом с Кошельковым. Тот — лениво:

— Весло не тяни!

— Ладно, сам знаю!..

— Отставить разговоры! — капитан наклоняется ближе, понижает голос: — Вот шлюпка из Валды, видите... Там народ толковый, я их знаю, подготовочка... Этим вам не обойтись. И не старайтесь. Дальше — старгородские ребята...

— Ничего себе, ребята! — свистнул Каштанов. — Мужики здоровые!

— А вы не бойтесь, Каштанов. Они уже на старте между собой ругаются. И курят на старте. Хозяева реки! Но сила у них есть, этого не отнимешь... Вот кого надо обходить. Тогда второе место обеспечено.

— А городецкие? — спрашивает Каштанов.

— Городецкие — пижоны! — отмахивается капитан.

Шлюпка из Городецка приметная. Вся раскрашена! Нептун с трезубцем, русалки, диковинные рыбы... И вёсла расписные.

— Айна, — говорит капитан, — садись в шлюпку, пойдёшь старшиной.

— Синьорита! Как вы сюда попали? — кричит городецкий рулевой и приподымает коббойскую шляпу. Айна не отвечает. А вопрос-то был к ней.

— Балаган... Этим не бойтесь, — говорит капитан. — Но учтите, могут давить на психику, глупости всякие орать.

На бонах судьи из Старгородского ДОСААФа. Зовут капитана:

— Колодкин! Хватит цэу давать, иди сюда! Две минуты осталось!

— Не забудьте, — говорит капитан, — вежа с флажком — поворот. Обходить слева. И запомните: первый выстрел — предупредительный. И ещё: главное — спокойно. Берегите силы. Обрато идти против течения. На траверзе той церквушки, — капитан указал на правый берег, — темп! Выложиться!..

Маленький сжимает в руках валёк весла, смотрит на берег. А там — болельщиков! От вышки до собора — яблоку негде упасть!

Ударил стартовый пистолет. Взлетели над водой вёсла. Три... Четыре... Ещё выстрел! Вёсла пронзили воду. Вперёд! Шлюпка из Валды взлетела

над водой. Вёсла изогнулись, будто крылья. Молчаливые гребцы одним движением вынесли шлюпку далеко вперёд.

— Ух, гады! — восхищённо простонал Каштанов.

Следом — старгородские. С крихтом, с гамом, поплевав на ладони, взяли старт. И пошли-пошли, чересчур проваливаясь назад, вперевалочку, некрасиво, но лихо...

А вот и городецкие. Рулевой в пляпе обернулся.

— Хмуриться не надо, Лада!..

— Ладно, ладно, ори! — пригрозил ему Кошельков.

— Беречь силы! — слышит Маленький голос Айны, — И-и, раз!..

Она сидит, наклонясь вперёд, в своем тренировочном, цифра семь на груди, косицы

под мичманкой, мичманка набекрень. Сидит напряжённо и сжимает руль крепкой смуглой рукой.

Маленький обернулся — уходят городецкие, уходят! Нажимать надо!

— Спокойно, спокойно, мальчики! — уговаривает Айна.

Какое там, спокойно! Нажимать надо! Маленький поворачивается к Кошелькову. Толстое лицо Кошелькова невозмутимо, он чуть не спит, будто это не гонки, а прогулка...

— Мальчики, навались!

Айна ещё больше склонилась вперёд, точно хотела этим движением ускорить ход шлюпки.

— Ну, мальчики! — и улыбнулась. Кому? Да никому особо. Всем одинаково. Но каж-

дый принял эту улыбку на свой счёт.

Шлюпка дрогнула, словно ток вдоль борта прошёл. Что-то пёстрое мелькнуло сбоку. Да это же городецкие!

— Мальчики!

Вот они, настоящие гонки! Ты слился с веслом, со шлюпкой, со всеми остальными. Ни тебя, ни их по отдельности уже нет. Одно движение, один взмах, один вдох, один выдох...

Мелькают пёстрые вёсла городецких. Нос шлюпки с Нептуном. Чистая вода. Берег кричит что-то. Сплошной гул.

— Еще мальчики! — кричит Айна. — Ещё так, ещё. Навались, Кошельков. Навались, Маленький.

— Внимание, поворот!..

Видно веху с флажком. Старгородцы делают поворот. Идут навстречу. Скалят зубы: «Малютки, ау!»

— Правое, табаны! Левое, гребни!

Поворот. И город открывается другим берегом. Белая стена усеяна людьми. Галдят, машут флажками... Айна подымает руку и кричит резким, внезапно охрипшим голосом:

— Вперёд!

Сверкнули на солнце купола собора.

— Вперёд!

Это был рывок! Маленький помнит только: Кошельков кричал что-то рядом. И ещё лицо Аины — бледное, незнакомое...

Ай, капитан! Знал, кого посадить старшиной!

СУДЬЯ говорит в мегафон: — Внимание! Внимание! Первое место заняла Валда. Старгородцы и шлюпка из Усть-Вереи пришли к финишу одновременно. Учитывая возраст наших гостей, судейская коллегия присуждает им второе место. Хозяевам — третье...

— Товарищи, разрешите, позвольте... Где тут гости дорогие?

А, это старгородская пресса подоспела — с магнитофоном.

— Ну кто хочет на радио записаться? Кто самый смелый?

Маленького толкают к микрофону. Он ещё не опомнился от гонок, лицо горит, словно обожжено, дышит он часто, шумно, широко открытым ртом. Стоит и не понимает, о чём это его спрашивают...

Тогда Каштанов подходит. Отодвигает Маленького, берёт микрофон и, держа его перед собой, точно эскимо, бойко говорит:

— Мечта стать моряком зародилась во мне с самого детства...

Глава двадцать вторая

ГВИ, ФЕДЯ И ФЕДИН ПАПА

После гонок победителям прямо на пристани вручили призы. И надо же такому случиться — в спешке и суете кто-то из судей уронил в воду кубок, который причитался за второе место.

А у пристани глубоко. И течение сильное. А белый металл, из которого сделан доро-

гой подарок — легкий до необычайности...

«Водолаза!» — кричат боцельщики. Городецкий рулевой говорит: «Вам потому не повезло, что у вас женщина на борту...» — «А вам почему не повезло?» — вежливо спрашивает Айна.

Главный судья расстроился. «Понимаете, говорит, сегодня, как назло, воскресенье, кладовщик выходной, кубок новый не выпишешь, такая досада! Но мы пришлём! Новый пришлём! Ещё лучше! А пока просите, что хотите. Всё наше — ваше». И широко повел руками по обоим берегам.

Капитан говорит:

— Может, оно и кстати, что кубок в воду упал. Дайте нам какой-нибудь кораблик, чтоб до дому дотащил. Дорога тяжёлая, вымотались ребята.

Главный судья радостно:

— Это проще простого. Гвидон Игоревич!

Подходит человек стройный, худощавый, лет пятидесяти. Сам черноволосый, а брови седые.

— Вот, познакомьтесь, — говорит главный судья. — Гейдеко, Гвидон Игоревич, командир минного тральщика, а теперь спасательного корабля ДОСААФ за номером пять-

сот пятнадцать. Доставит в лучшем виде! А это — Колодкин, Сергей Петрович, руководитель Усть-Вере́йского клуба...

Гвидон Игоревич внимательно смотрит на капитана, тёмно-карие глаза его под седыми бровями загораются любопытством.

— Колодкин? Простите, в Рыбецке не служили?

— Так точно, служил, — сухо говорит капитан.

— К вашим услугам, — кланяется Гвидон Игоревич.

Сразу видно культурного военного человека.

И ВОТ тарыхтит по озеру бывший минный тральщик, легко ведёт на буксире одну за другой обе шлюпки. На корме тральщика все по очереди несут вахту — следят за буксирным концом.

Команда тральщика — два человека. Гвидон Игоревич, или ГВИ, как его зовут друзья, и матрос Федя, толстый парень в бывшей шляпе. У старинной фетровой шляпы Федя не очень аккуратно обрезал поля, оставив только козырёк спереди.

Федя — человек молчаливый. Стоит у штурвала, папироску сосёт или, вытянув толстые губы, насвистывает: «Когда я был мальчишкой, носил я брюки клёш...» — старинную малоизвестную песню.

ГВИ, напротив, словоохотлив. Ему скучно. Всё вдвоём да вдвоём. И когда на борту появляется свежий человек — а тем более не один! — ГВИ даёт себе волю. Вот примерно как это выглядит.

— Перед вами Федя, сын хороших родителей, надежда семьи. Папа каперанг хотел видеть блестящего офицера, чтоб солнце сверкало на погонах. А что Федя? Что ты сделал, Федя, расскажи товарищам...

Товарищи ждут. Но Федя молчит. От привычного ожидания привычной шутки у него только один глаз щурится. А может, от дыма...

— Федя бросает букварь, тетрадки, таблицу умножения, — продолжает ГВИ, —

и уходит в матросы, на тяжёлую неблагодарную работу в Добровольное Общество Содействия Авиации, Армии и — кому, Федя? — Флоту! Что же сказал Феде его папа, бывший каперанг? Ну-ка, Федя, открой семейную тайну.

Федя молчит. Такой порядок.

— Папа тронул свой нержавеющий кортик и сказал: «Фёдор! Клянусь этой честной сталью, если ты не пойдёшь в девятый класс и не закончишь полной средней школы, не видать тебе наследства — двухкомнатной квартиры в Старгороде, двадцати яблонь в коллективном саду и лодки с мотором „Москва“!» А что ответил своему папе Федя? Федя, что ты ответил папе?

Федя прижигает от окурка новую папиросу.

— Вот что ответил своему папе Федя, закурив новую папироску. «Милый папа, это всё ерунда. И квартира, и лодка, и сад. Вспомни, папа, свою молодость. Кем ты был? Поварёнком в воинской части. Помогал своей маме и моей бабушке чистить картошку для бойцов Красной Армии. Почему ты отводишь глаза? Тебе стыдно своего боевого прошлого?..» А что сделал твой папа, Федя? Молчишь... Федин папа, товарищи, надел свой лучший мундир и пошёл на пристань. Уже издали я услышал звон его орденов и медалей. Я встречал его на борту тральщика, вытянувшись по стойке смирно.

Здесь ГВИ делает паузу.

Федя смотрит на часы: скоро ли вахте конец...

«Здравствуй!» — говорит мне Федин папа. «Здравствуй, Александр!» — говорю я ему. А мы с ним, товарищи, воевали вместе... «Как твой радикулит?» — спрашивает Федин папа. «Нормально. А как твой гемоглобин?» — спрашиваю я. «Нормально. А как твой невроз?» — «Прекрасно, — отвечаю, — а как твой склероз?» — «С чего ты взял, что у меня склероз?» — говорит Федин папа. «Так, говорю, заключил по некоторым признакам...» — «По каким таким признакам?» — «Да по всяким...» — «Ты не крути, — говорит мне Федин папа, — на что намекаешь?» — «На Федю», — говорю я, как стреляю...

Федя внимательно смотрит на компас, проверяет курс. Его забота — проверять курс, а говорить — не его забота.

— А дальше было так. «Поговорим по душам, — сказал мне ласково Федин папа, — мы ведь старые друзья... Помогите мне в смысле Феде», — «В каком именно смысле?» — спросил я. «В таком смысле, чтоб он ушел из ДОСААФа и вернулся в школу. Чтоб он закончил эту самую школу и поступил в училище имени Фрунзе в Ленинграде и закончил его, как когда-то закончил его я...» — «Хорошая идея», — согласился я. «Так в чём же дело? — обрадовался Федин папа. — Гонят его с твоей посуды!» — «Тише, тише, Александр, — сказал я, — он ещё

вернётся за парту, твой Федя, И у него ещё будут золотые погоны на плечах». — «Гони его прочь, или я тебе не друг!» — закричал Федин папа. Что я ответил твоему папе, Федя, на этот выпад? Не помнишь. А жаль. Я сказал ему: «Потерпи, Александр. Пускай Федя поплавает со мной. У Феде всё впереди. Сейчас у него дремлет мозг. Такая юношеская болезнь. У тебя склероз, а у него дремлет мозг. Вот проснётся у Феде мозг, тогда... Тогда уж он нам с тобой покажет!..»

ГВИ обводит всех весёлыми глазами, потом подмигивает Маленькому Петрову и говорит:

— Пойдём в рубку, за штурвал поддержишься..

Федя отступает в сторону, передаёт Маленькому штурвал. Маленький впервые слышит глухой Федин голос:

— Курс триста тридцать.

— Отвечай, — говорит ГВИ, — есть курс триста тридцать.

— Есть курс триста тридцать! — повторяет Маленький.

Он вращает штурвал чуть вправо, чуть влево, опять вправо... Федин палец стучит по компасу: вот 330! А вот и курсовая черта. Ага, понятно. Должны совместиться! Есть! Феде ладонь твердо показывает направление: так держать!

— Так держать! — командует ГВИ. — Внимательней гляди, иначе судно начнёт рыскать. Отклонишься на одну

десятью градуса, а пойдёшь мили считать в сторону...

— Гвидон Игоревич, — говорит капитан, — скоро по правому борту будет деревня. Пришвартуйтесь на часок, ладно? — И Маленькому: — Сойдёшь со мной на берег...

Глава двадцать третья

ВИЗИТ ВТОРОЙ. НИНА СОЧИНА

Капитан шёл мимо деревни и спрашивал: где Нина Сочина живёт? Ему показывали — дальше, дальше иди...

Деревня большая, крепкая, много новых домов. Что ни дом — антенна. Около кирпичной школы капитан остановился. Поглядел, крикнул:

— Мда...

— Что? — спросил Малень-

кий Петров, который следовал за капитаном, как было велено.

— Деревня так называется — Мда.

Вошли в сад. Тихо запела калитка, впуская их. Молчаливая собачонка бросилась в ноги.

По бокам тропинки зреет антоновка. Над порогом — подкова висит. Самодельный почтовый ящик битком набит газетами...

На крыльце капитан оглядел свои брюки, потёр, поскрёб, вздохнул. Провёл взглядом по Маленькому — с ног до головы — и тогда уж постучал. Громко, но не часто.

Дверь открыла женщина в синем халате, в переднике. Лицо — ничего особенного. Разве что глаза... Чересчур уж внимательные. Маленький не любит, когда так глядят. Учи-

теля так глядят, перед тем как нотацию читать.

— Не узнаёшь? — сказал капитан.

Женщина медленно покачала головой, одновременно вглядываясь в капитана. Потом на лице её появилось: «Постояй-постояй...», как будто тёплый ветерок подул, и лицо разгладилось, потеплело...

— «Деревенька эта Мда, зачем приехал я сюда...» — пропела она тихо. — Серёжа?

— Так точно.

Женщина взяла капитана за пуговицу кителя, подёргала... Сама — не то улыбается, не то хмурится.

— Ай, Серёжа!.. Ну, здравствуй, — она притянула капитана к себе и поцеловала в щёку. — Здравствуй! Вот чудно-то!.. Сколько лет! Почти двадцать... Нет, как раз двадцать! Чего мы здесь стоим, проходите...

В избе всё по-городскому: и мебель самоновейшая, и посуда дорогая в горке, и занавески капроновые. Развела руки — уборка!..

— Ничего, ничего, — сказал капитан, — мы проездом, проходом, на катере...

Маленький не узнавал капитана. Тот как-то растерялся. Смешной стал — то положит фуражку, то возьмёт, то на стул сядет, то вскочит... К окну подошёл — свистит...

— Хорошо живёшь, Нина. Молодец, — сказал наконец капитан.

— Не худо живём, — сказала Нина Социна, — жаловаться не буду. — Она всё время

следила краем глаза за капитаном и чуть улыбалась. Потом взглянула на Маленького неожиданно, резко.

— Сын, да? Похож. — И помолчал: — Похож! — И снова помолчал: — Как зовут-то?

Вопрос был к капитану — а тот молчит. Казалось, до него только что дошло, о чём его спрашивают. Он открыл рот, лоб наморщил и смотрит на Маленького, будто вспомнить пытается! «Как же его зовут? Ах ты, чёрт! Забыл...»

И правда ведь, забыл капитан. Вот номер! Попался. Забыл, как сына зовут. Ай-я-яй... Надо ж такое!

Маленький ещё немного полужавил, глядя на растерявшегося капитана, потом пожалел его и сказал:

— Лёнька меня зовут. Лёня. — Чуть не сказал по привычке — Петров, но вовремя спохватился. Пускай будет по капитанову. Раз молчит — значит, опять хочет за сына выдать. Пускай. Жалко, что ли. Сын так сын...

— Значит, Лёня! — сказала Нина Социна. — Хорошее имя! — и поглядела на капитана, чтоб тому приятно стало.

— Не сын, не сын... Воспитанник, — проворчал капитан.

— А у тебя сколько?

— Трое.

— Сыновей трое?

— Два сына.

— Два? Тоже немало... А где ж они?

— Младший у мамы в гостях, в Ленинграде. А старший в армии.

— В армии? Хотя да...
А муж?

— На съезде учителей. В Москве. Он у нас отличник. Просвещения! — Она усмехнулась, но в усмешке её сквозила гордость. Гордость, которую она прятала из деликатности.

А Маленький удивился: учитель — и отличник? Как это?

— Школу я видел новую, — сказал капитан, — хорошая школа, кирпичная...

— Хорошая школа, — подтвердила Нина Социна. — Лёня, хочешь яичницы с салом?

Он кивнул. А почему бы ему не съесть яичницу с салом? Он такой еды две недели не пробовал. Всё консервы да консервы... А в комнате уютно. И тётка ничего. Смотрит, как училка, так она, наверно, училка и есть. Вон книжек сколько, карты разные... Значит, не сын — воспитанник. А тогда, в Старгороде, за сына выдал... Почему? Подшутить хотел? А сегодня? Зачем с собой позвал? Сказал: надевай парадную форму. Визит второй и последний...

— Лёня, хлеба бери, огурцов, луку. Не стесняйся!

Лёня. Леонид, Леонид Иванович. Хорошее у него имя, это верно.

— Добавки хочешь, Лёня?

Конечно, хочет. А ещё он хочет, чтоб его снова спросили: добавки хочешь, Лёня?..

— Серёжа, знаешь кого он мне напоминает? — Женщина засмеялась громко, безоглядно, как девчонка, и Маленький Петров с интересом поглядел

на неё. — Ваську-частушечника. Помнишь? «Говорят, в колхозе плохо, а в колхозе хорошо...» — спела она и снова засмеялась. — Васька этот, потом уж, когда большой парень стал, признался мне: это я, Нина Николаевна, первый тогда придумал — яблоками-то кидаться...

Сказала и снова — как захохочет! Маленький подумал: а вот так засмеётся в классе — и всё, никакой дисциплины. Потому они в классе и не смеются. В учительской смеются, слышал...

А капитан тоже рубал яичницу и кивал в ответ на каждое её слово. Когда же было вспомнано про какие-то яблоки и Ваську-частушечника, перестал жевать, поглядел в окно и — не скоро — снова в тарелку.

— Как живёшь, Серёжа? — спросила Нина Социна.

Капитан сказал:

— Нормально. Хорошо живу.

Она опустила глаза и сказала тихо:

— Ну, слава богу тогда...

А Маленький всё смотрел на синюю полосатую клеёнку и вспоминал свой дом и особенно воскресенье, когда все за столом, а на столе чашки, тарелки, и его любимая чашка — красная, у которой ручка отбита. А клеёнка у них зелёная, с цветочками. За столом шумно, отец балагурит, поддевает мать, что та всё толстеет, а она: «Перестань, перестань», а сама и не сердится...

И, глядя на эту клеёнку, Ма-

ленький Петров как-то неожиданно для себя представил за тем воскресным домашним столом капитана. Вот для него притащили из кухни большой табурет, белый, и усадили, и мать угощает его, но помещается капитан за столом почему-то неловко, скрипит табуретом, стесняется сам и смущает других...

— Нам пора, Нина, — сказал капитан, — ждут нас.

— До свиданья, приезжайте ещё, — сказала Нина Сохина, обращаясь сразу к ним обоим.

— Спасибо, до свиданья, — сказал Маленький. Сказал ясно, с чувством. Хорошая тётка!

— Присылай младшего ко мне, в Усть-Верею, — сказал капитан. — Морскому делу обучу. Сколько ему? Тринадцать? В самый раз. Запиши адрес... Впрочем, я сам напишу. У меня может перемениться...

Младшего сына Нины Сохиной Маленький почему-то сразу, заочно, невзлюбил.

Глава двадцать четвёртая

ТАМ БЫЛ КАМЕНЬ

Тёплый ночной ветер накатывал с запада. Тихо тарахтела машина. Цветные бусины — огни тральщика — вот и всё освещение этой ночи. ГВИ протянул руку и сказал:

— Там был Вороний камень...

Вороний камень... Маленький сразу вспомнил кино про Александра Невского — прошлой осенью показывали его в

фабричном клубе... И ещё вспомнил Осадчего Семёна: «Это моя идея... Доспехи, оружие, всё там лежит... Вот закончу и буду искать...». Как же он искать-то будет? Тут водолазы нужны...

— Почему был камень? — спросил Каштанов. — Куда он девался?

— Утонул. Точнее, скала утонула. Двенадцать метров скала.

— Что за интерес, — сказал Кошельков, — ни фига не видно.

ГВИ подождал, пока Кошельков прогремит железными ступенями в кубрик, и тихо заговорил:

— Была же тогда суббота, всходило солнце, и сошлись обе силы. И была сеча злая, и треск от ломления копий, и звук от сечения мечного, и замёрзшее озеро двинулось. И не было видно льда: весь покрылся кровью...

— Это что? — спросил Маленький. Его дрожь проняла. А ведь и не холодно совсем.

— Это летопись, — сказал ГВИ. — Русский летописец рассказывает про тот день...

Жутко. Там, в этой непроглядине, подводная скала, вся скользкая, в водорослях. А на дне — кости, щиты, доспехи... В тишине, в темноте...

— А я здесь, неподалёку, миль десять к северу, рыбу ловил под носом у фашистов, — сказал ГВИ. — Подкармливал матушку-пехоту...

Был камень — и нет. Были они только что в Старгороде — и нет их там. Вот это у Ма-

ленького в голове никак не укладывалось. Ему казалось: всюду, где он бывал, он каким-то образом оставался. Но каким образом — этого он объяснить не мог.

— Маленький, иди на корму, — сказал капитан, — тебя Кошельков сменит.

И вот он сидит на корме и смотрит за буксирным концом. Конец наклонно уходит в темноту, где смутно проступает корпус первой шлюпки, а вторая буравит воду позади...

Все ушли в кубрик. Остались наверху Гвидон Игоревич да капитан. Стоят у правого борта, неподалёку от кормы, продолжают свой разговор.

— Я вот смотрю на вашего Федю и, честно говоря, завидую, — говорит капитан. — Можете корабль доверить.

— Могу! — подтвердил ГВИ.

— Я на одного парня тоже надеялся как на каменную гору, — говорит капитан. — Между прочим, брат этого Маленького — Большой Петров... Так что вы думаете — перед самым походом подаёт документы в химический техникум, его вызывают на экзамены, он уезжает, а я узнаю последним...

— Ну и что? — это ГВИ. — У них, у ребят, всё иначе, всё по другой шкале. Вы переживаете, а он, ваш

Большой Петров, он, может быть, и не понимает пока... Я думаю — не от злой души он вас обидел, а от неведения душевного или от невоспитанности...

— Да что там обидел! — рассердился капитан. — Я же не могу просто так клуб бросить! Мне надёжный человек нужен!.. Я на него надеялся, учил...

Что-о! Клуб бросить? Как это — бросить?.. Маленький аж подскочил.

— Хорошая работа у вас, — говорит ГВИ, — хлопотная только.

— Чего ж хорошего! Хлопотно — да. А потом я вам

скажу так: для этой работы надо быть если не счастливым человеком, то хотя бы удачливым. А у меня на личном фронте сплошные неудачи...

Помолчали. Потом снова капитан:

— Вот вчера... Ступал по старым своим следам. Прошлое ворошил. В одном городе хотел на старую обиду ответить. Посмеяться хотел, сверху вниз посмотреть. И так, знаете, глупо вышло, мелочно, просто самому противно, никакого удовольствия не испытал...

«Это он про Оранжевую», — подумал Маленький. Темнит только чего-то. И Маленькому вдруг обидно стало: он за капитана переживал, цветок сломал, столько страху натерпелся, — а тот, смотрите, что придумал — клуб бросить!..

— Попробую-ка я снова подать на комиссию, — говорит капитан, — в последний раз. Я же здоров. Я знаю, что здоров. Да вы и сами видите, что я здоров.

— Я-то вижу, — говорит ГВИ, — да эти старые контузии — коварное дело. Вы бы лучше просились на внутренний бассейн. Теплоход могут дать...

Как это — теплоход? Зачем капитану теплоход? Чего это он придумал?

— Не хочу, — говорит капитан, — поеду в Рыбецк, на комиссию. Последний раз попробую пробиться в море...

Замолчали. А Маленький сидит — пришибленный, подавленный от того, что узнал.

— Да, всё хочу вас спро-

сить, — говорит капитан, — почему это вы тогда при знакомстве про Рыбецк сказали? Слыхали небось про мои неприятности там?

— Да так, ерунда...

— А всё-таки.

— Вы не обидитесь?

— Ну!

— Только чур секрет. Между нами. У меня одна дурная привычка, слабость, что ли. Сочиняю байки и пускаю по белу свету. Такая штука есть — слыхали, конечно, бумеранг. Её кидаешь, а она к тебе возвращается. Вот и я. Жду, когда моя байка ко мне вернётся. Я её слушаю и виду не подаю, что моя. А сам подмечаю: тут моё, тут чужое... Пока бродила по свету, обросла чужой фантазией, вроде как днище ракушками. Интересно.

— И про меня, значит? — осторожно спрашивает капитан.

— И про вас, — вздыхает ГВИ. — Мне кто-то из речников ваших рассказал эту вашу историю в Рыбецке — кража, наводчик-кассир и тому подобное... Я этот случай, так сказать, развил.

— Рассказывайте, — требует капитан.

— Ладно, — говорит ГВИ, — считайте, что это уже не про вас. Давно ведь было. Почти что в прошлом веке. Верно?

ГВИ откашлялся и начал:

— Капитан Колодкин в Рыбецке работал, комендантом порта. И стали там суда пропадать. Вначале шлюпки, байдарки пропадали, моторки,

всякая мелочь... А после уж — морской буксир.

Маленький Петров слушает эту историю второй раз, слушает вполуха. Одно у него из головы не выходит: бросает их капитан, в море собрался. А как же без него? И Маленький представил себе заколоченную клубную комнату, на полках — модели кораблей и его яхта... Он её начал мастерить зимой и не закончил... И представились ему долгие-долгие зимние вечера... Куда теперь деваться? Дома сидеть? Нет, это невозможно! Невозможно, чтобы ушёл капитан. Не уйдёт он! Оставить-то некого. Он же сам сказал — оставить некого. А если бы Колька...

— Ну, спасибо, Гвидон Игоревич, — сказал капитан, дослушав до конца, — спасибо. Я на себя сейчас, как в театре, поглядел. И смешно, и грустно даже. В жизни всё было не так романтично. Уволили и так далее... Знаете, я на себя как бы другими глазами взглянул. Полезно. Очень полезно. А то ведь недолго и закиснуть. Спасибо, я перед вами просто в долгу... Ладно, расскажу вам сейчас настоящую, непридуманную историю про лейтенанта Колодкина и учительницу Нину Сочину. Это, как Вороний камень, — было и на дно ушло. Так что рассказывать теперь просто. Как будто не про себя.

(Окончание следует)

Ник. КУТОВ

НЕБЕСА

Помню я жестокие
Годы-испытания,
Зарева далёкие,
Грустные прощания.

Помню
над просёлками,
Речками безвестными
Падали осколками
Небеса железные.

Небеса гнетущие,
Небеса тревожные,

Нас теперь зовущие
В дали невозможные.

Новыми рассветами
Ярко освещёнными,
С новыми кометами,
На земле
рождёнными,

Вы сияйте, синие,
Ясные и звонкие,
Над моей Россиею,
Над родной
сторонкою!

СТИХИ К МАЛЬЧИШКАМ

Живут на свете драчуны,
 Задиры, забияки...
 Они не то чтобы сильные,
 А просто любят драки.
 Им руки жжёт кулачный зуд,
 Болезнь такая, что ли...
 Я их встречала там и тут,
 Почти что в каждой школе.
 Они дубасят малышей,
 Девчонок колошматят,
 Летят их вопли с этажей,
 Хотя кричат им: «Хватит!»
 По классу катятся клубком,
 Пронесаясь по саду,
 А если кто-то с синяком,
 То, значит, так и надо.
 Геройство? Смелость? Нет, не так!
 Не то это, ребята...
 Да, на войне в огонь атак,
 Шагали в бой солдаты.
 Освобождали города,
 Врага застигнув в штабах,
 Но никогда, но никогда
 Не обижали слабых.
 Сейчас всемирно знаменит,
 И — знают все ребята —

В Берлине памятник стоит
 Советскому солдату.
 Стоит он, порохом пропах,
 Щебечут птицы звонко,
 А он приподнял на руках
 Спасённого ребёнка.
 Стоит солдат, герой войны,
 И снег, и ветер в спину.
 ...И вы, задиры-драчуны,
 Всех слабых защищать должны —
 На то вы и мужчины.

ВЕСНА

Мальчишки, посмотрите,
 Девчонки, посмотрите,
 На улице событие
 По имени Весна.

Уже загар у Вити,
 Уже загар у Мити,
 Ведь, что ни говорите,
 На солнце допоздна!

Погоде тёплой рада,
 Река течёт из сада,
 Взлетают водопады
 Из солнечных лучей.

Придя домой из класса,
 Девчонки чертят классы,
 Какая всяюду масса
 Скакалок и мячей!

Под синим небосводом
 Мальчишки шумным взводом
 Упрямо мерят бродом
 Ручьи и ручейки.

И мой братишка тоже.
 Кричу ему: — Серёжа!
 На что это похоже?
 Промочишь башмаки!

Сугробов тёмных груды,
 А рядом, из-под спуда,
 Земля глядит, как чудо,
 Тепла, влажна, черна...

Девчонки, посмотрите,
 Мальчишки, посмотрите,
 На улице событие
 По имени Весна!

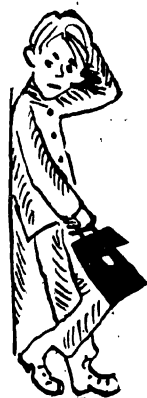
Хотя известно птицам,
 Что лучше жить в ладу, —
 Чижов, Скворцов, Синицын
 Поссорились в саду.
 Наверно, из-за мошки,
 А вдруг из-за жука?
 А может, из-за кошки,
 А вдруг из-за листка!
 Наверно, на скамейке,
 А может, на сучке,

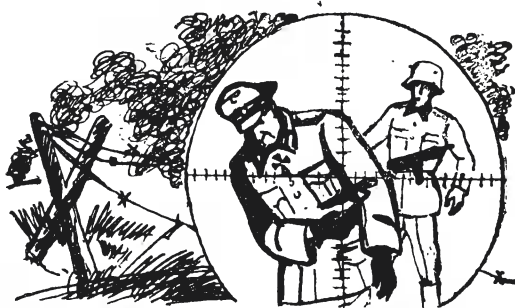
В гостях у канарейки,
 А может, на пеньке.
 Наверно, в закоулке,
 А может, на окне,
 А может, на прогулке,
 А может, и во сне.
 Чижов, Скворцов, Синицын,
 А может, без труда,
 А может, помириться,
 А может, навсегда?

ДВА ЛЕНТЯЯ

Сидят два лентяя за партой одной,
 Зевают зимой и зевают весной.
 Не может лентяю лентяй подсказать,
 К лентяю лентяй не заглянет в тетрадь.
 Один не решил — и второй не решил,
 Один позабыл — и другой позабыл.
 Что делать? Не знает лентяй ничего.
 Ему б у соседа списать своего.
 Но только сосед не учил ничего,
 Ему б у соседа списать своего!
 Лентяй на лентяя со злостью глядит,
 Лентяй на лентяя со злостью кричит:
 — С тобой пропаду я, видать по всему!
 Придётся уроки учить самому!
 Уж если не знает сосед ничего,
 Придётся списать у себя самого!

СХВАТКА

ЛЕЙТЕНАНТА Егорова на Северо-Западном фронте знали все. Не только наши бойцы, но и фашисты тоже. Был Василий Тимофеевич снайпером и со многими гитлеровцами, можно сказать, познакомился «лично». Правда, после этих знакомств численность гитлеровской армии каждый раз убавлялась, а крестов на фашистских кладбищах становилось всё больше и больше.

Очень большие потери несли фашисты от метких выстрелов лейтенанта Егорова. Откуда-то узнали они его имя и стали снайпера к себе переманивать. Листовки лично ему с самолётов бросали, через рупоры кричали. Предлагали высокий офицерский чин и золотые горы. Лейтенант Егоров на все эти предложения отвечал по-своему, согласно хорошему снайперскому правилу: что ни патрон — то убитый фашист.

И тогда фашисты выписали себе из Германии опытного снайпера, снайпера-аса. Едва он появился на участке стрелкового полка, в котором сражался Егоров, начались потери среди наших бойцов и командиров.

По «почерку» гитлеровца Егоров сразу определил, что имеет дело с опытным врагом. Фашист отлично маскировался и, чтобы не обнаружить себя, стрелял только тогда, когда над окопами гремела перестрелка. Поди-ка засеки в общем грохоте его одиночный выстрел!..

В который раз осматривал лейтенант Егоров передний край вражеской обороны. «Где же он там сидит? Вроде негде ему укрыться. Может, здесь?» — он перенёс взгляд на «ничейную» полосу, где лежала убитая лошадь. Забредшая неизвестно откуда, она несколько недель тому назад во время ночной перестрелки была убита и теперь лежала совсем рядом с фашистскими окопами.

Вроде не было в той лошади ничего подозрительного, но проверить следовало. Глубокой ночью Егоров подполз к лошади. От бедной коняги несло мертвечиной, но никаких следов человека близко не было. Егоров уполз ни с чем.

А фашистский снайпер продолжал стрелять. Причем была замечена одна особенность: жертвами его, как правило, были воины, чем-то напоминавшие по наружности Егорова.

— За тобой охотятся! — сказал Егорову комбат. — Известным ты стал для гитлеровцев, вот и гоняются.

Лейтенант и спать ложился, и вставал на заре с одной мыслью: «Где же он?» Снова и снова осматривал в бинокль передний край врага, «ничейную» полосу... И в который раз взгляд останавливался на убитой лошади. «Негде ему больше прятаться! Только там! Но ведь был же, смотрел, — возражал сам себе Егоров. — Надо ещё раз проверить. Днём».

Недалеко от нашего переднего края лежали валуны. К ним Егоров тоже частенько приглядывался. «Лучшего места для наблюдения не сыщешь», — решил он.

Из проволоки и хвороста лейтенант смастерил точный макет небольшого валуна — точно такого, как тот, что лежал перед окопами. Макет обтянул мешковиной, покрасил в цвет настоящего валуна, проделал отверстия для наблюдения и ствола винтовки.

Темной ночью подобрался лейтенант с тремя бойцами к облюбованному камню и перекатил в нашу траншею. Потом на месте валуна выкопал ячейку и установил над нею макет. Вынутую землю он собрал в плащ-палатку, тоже отнёс в траншею. Всё это было сделано так искусно, что если даже противник и засек этот камень, подмены он всё равно не обнаружит.

Рассвет Егоров встретил уже в засаде. В помощь себе он привлёк ещё красноармейца Клейманова: поручил ему смастерить из соломы и тряпья своего «двойника» и изредка во время перестрелки показывать его из траншеи.

Потянулись длинные минуты. Медленно складывались они в часы, а Егоров сидел и сидел, не сводя глаз с убитой лошади. Там было всё спокойно.

После полудня затарахтели пулемёты, загремели ружейные выстрелы. И тут же у головы коня что-то блеснуло.

Вспышку Егоров заметил сразу, но выстрелить не успел. Даже усомнился было: «Может, померещилось? Гляжу, гляжу... Все глаза проглядел уже». Решил ещё потерпеть, проверить.

На этот раз ждать пришлось недолго. После короткой паузы передовая заговорила вновь, и Егоров опять увидел вспышку.

— Всё-таки ты там, подлюга, — пробурчал лейтенант. — Ну, теперь уже не уйдёшь!

Егоров слился с оружием. Через оптический прицел оглядел подозрительное место и, прикинув на глаз, где должна быть голова снайпера, прицелился и выстрелил. Затем ещё раз, для верности...

Передовая снова стреляла, гремела, свистела, но от лошади уже больше никто не стрелял.

«Значит, готов!» — облегчённо вздохнул Егоров после нескольких часов наблюдения.

Дождавшись темноты, он снова пополз к лошади. Хотелось проверить результаты своей стрельбы да и взглянуть на гитлеровца, охотившегося за ним.

Предположения лейтенанта оказались верными: вместо лошади он обнаружил хорошо сделанное чучело. Внутри него с простреленной головой лежал гитлеровский снайпер. «Значит, и они тоже, — улынулся Егоров, — на ночь дохлую конягу приносили, а днём чучелом заменяли. Хитры. То-то я тогда ошибся!»

Забрав винтовку и документы фашистского снайпера, Егоров вернулся в свою землянку. Здесь ему Клейменов своё чучело показал: двумя пулями пробито. Сколько раз высовывал чучело из траншеи — столько и пробоин.

— Ничего не скажешь, метко стрелял, гад! — заключил Клейменов. — Но как ни хитрил, ваша пуля, товарищ лейтенант, оказалась метче.

ПРОИДЯ трудными дорогами войны, получив три ранения и столько же контузий, Василий Тимофеевич Егоров всё же вернулся домой. Он и сейчас живёт в городе Годяче на Полтавщине — старший лейтенант в отставке, кавалер ордена Ленина, ордена Красного Знамени и многих медалей.

Рис. В. Адаева

Семён КОГАН

Весеннее настроение

*Какое, дружок,
У тебя настроение?
Моё настроение —
Очень весеннее!*

*С таким
Настроением,
Руки раскинув,
В пахучие травы
Зарывшись лицом,
Лежишь ты —
И слышишь,
Как солнышко
Спину
Легонько ласкает
Ладонькой-лучом.*

*Вот шмель
Прилетел:
Как всегда,
Озабочен.
Увидел цветок —
И нырнул с головой.
Не надо мешать:
Он парнишка
рабочий,
Такой симпатичный
И вовсе не злой.*

*Кузнечик играет,
Привстав на носочки,*

Рис. Ю. Бочкарёва

*Весенняя песня его
Хороша.
Стоит.
Как на сцене,
Кузнечик
На кочке,
За песню свою
Не берёт
Ни гроша.*

*Картинки раскрыл
Мотылёк над собою:
Скорее, скорей
Посмотрите сюда!
Их носит всегда
Мотылёк за спиною,
Вернее, они
Его носят
Всегда.*

*А вот ветерок
По траве пробежался:
Похож на мальчишку,
Что скачет к реке.
...И кажется мне:
Не к земле
Я прижался —
Прижался я
К маминой
Тёплой щеке.*

ПАРТИЗАНСКИЕ ТРОПЫ БЕЛЬГИИ

— Давайте поедem в партизанский край, — сказал мне Пётр Иванович, мой брюссельский знакомый. — Я вам покажу, где мы воевали. Там меня, наверное, ещё помнят...

Я уже второй месяц живу в Бельгии, в гостях у друзей. Но времени — в обрез. Я побывал далеко не во всех музеях. Я ещё не видел традиционные состязания лучников. Не довелось мне пока услышать музыку «карильона» — нескольких десятков колоколов, больших и маленьких, на старинной звоннице.

Но как же не поехать с Петром Ивановичем!

Наш путь лежит на юг, туда, где плоская Бельгия становится гористой, обросла лесами. Арденны, — так называется эта лесная область на западе Европы.

Пётр Иванович ведёт машину блестяще. В свои шестьдесят с лишним лет он выглядит богатырём.

Дорогой он рассказывает о себе. Когда-то его, мальчишку, увлекла с русского юга волна эмиграции. В долгих скитаниях переменял он множество профессий, — грузил пароходы, мыл посуду в харчевнях, таскал на спине плакаты с рекламой мыла, сигарет, случалось — отдавал последнюю рубашку за краюху хлеба. Учился урывками.

Весной 1941 года он услышал по радио о переброске германских дивизий на восток и вступил в тайную армию бельгийского Сопротивления.

С некоторыми из её бойцов я уже знаком. Я был у скульптора Дольфа Леделла в его мастерской, и скульптор рассказывал мне, что

память о Сопротивлении не только вдохновляет его в работе, даёт темы для изваяний, но вообще помогает держаться в жизни прямо, стоять на своём, драться с врагами мира.

Много месяцев Леделл провёл с партизанами в Арденнах, — там подрастали его дочери, там получили свои первые ботинки — деревянные сабо, там учились у крестьянок ткать и шить.

...За окном машины проплывали Арденны: нескончаемая смена декораций, созданных природой и историей. Там скала, похожая на крепость, а там и сама осыпавшаяся крепость, слившаяся с зубцами щербатого розовато-серого песчаника. Излучины пенистых потоков, мохнатые вершины, крохотный городок в ложечке долины...

Не отсюда ли разошлись по страницам детских книг всего мира Красная Шапочка, волк-оборотень, три глупых поросёнка?

Теперь к арденнским сказкам прибавились были недавних лет борьбы. Сосновые леса, упрямо укоренившиеся на кручах, рассказывают о том, как сотни, тысячи смельчаков пришли сюда из городов, вошли в неизведанный мир шалашей, землянок, тайных складов оружия, паролей, шифров. Как рабочий-металлист из Льежа, грузчик из дортового Антверпена встретились тут, подружились с антифашистом из Франции, с советским военнопленным, бежавшим из гитлеровского лагеря.

Многие «восточные рабочие», как именовали гитлеровцы наших людей, трудились на угольных шахтах в области Лимбург, на северо-западе страны. Оттуда до Арденн — три сотни километров.

Бельгия населена густо, города и селения нанизаны, как бусы, на нитку шоссе, расстояние между ними часто два-три километра, а то и меньше. Я слушаю Петра Ивановича и диву даюсь: как же удавалось переправлять пленных в партизанский край?

— Этим-то я и занимался, — говорит он. — Понимаете, их угнали в чужую страну, французского языка они не знали. А воевать хотели, прямо руки чесались у многих... Кто же мог им помочь, как не русский человек?

Большие руки Петра Ивановича лежат на баранке автомашины. Дорога повторяет озорные изгибы горной речки. И вдруг — маленький городок, состоящий как будто из одной улицы. Низенькие, толстостенные домики, тощие садики.

— Видите, дом? Как раз возле него, чуть ли не под самыми окнами, мы и застряли...

Дом — такой же, как все в Рош-форе: одноэтажный, отличающийся от соседей лишь вывеской сапожника. На боковой стене, без оконной, намалёван призыв пить пиво «Стелла Артуа». Тихий, будто уснувший дом в тихом городке. А в то время здесь находился пост гитлеровской полевой жандарме-

рии. Я невольно ищу какой-нибудь след её. Нет, решительно ничего...

Надо же, именно здесь, под носом у жандармов, отказал мотор! А в машине, в крытом кузове, сидели, тесно прижавшись друг к другу, восемь русских беглецов. Под скамьями — пистолеты, автоматы...

— Чем же кончилось? — спросил я нетерпеливо.

— Подождите, — улыбнулся он. — Что же я всё о себе... Я расскажу вам сперва, как эти ребята попали ко мне. На шахте у меня был товарищ, тоже русский. Без него я ничего не мог бы сделать.

ДРУГ НА ШАХТЕ

Действительно, эту историю надо начинать с угольной шахты в Лимбурге. В годы войны здесь добывали уголь тысячи «восточных рабочих».

Много лет прослужил в конторе шахты ещё один русский — Павел Александрович. В забои, под землю, он спускался редко. До тех пор, пока не начали прибывать эшелоны с советскими пленными. Тогда его назначили инженером по технике безопасности. Немецкие обер-надсмотрщики, разумеет-

ся, не догадывались, что новую должность Павел Александрович получил при содействии штаба Сопротивления. И он стал постоянно бывать в подземных коридорах, где добывается уголь. И «восточные рабочие» неожиданно услышали русскую речь.

Сперва они относились к инженеру с опаской. Небось продался немцам! Постепенно, однако, он завоевал доверие.

Понятно, не каждый пленный, пригнанный на шахту, годился в маки. Надо было присмотреться к людям, отобрать самых надёжных. Для этого Павел Александрович устраивал по собственному почину занятия с рабочими по технике безопасности. После лекции завязывал беседы, интересовался настроением людей, их планами...

Но вот кандидат в Арденны намечен. Пётр Иванович получает дружеское письмо, в котором, после семейных дел, сообщаются цены на разные продукты, — скажем, 175 франков, 42, 54: рост человека в сантиметрах, номер рубашки, шляпы. Немного погодя — ещё пакет. В нём фотография для удостоверения личности и записка: «Посылаю тебе карточку моего беспутного приятеля. Можешь отдать её несчастной влюблённой — пусть утешится хоть этим».

Если русский работает в первой смене, то его с помощью друзей в управлении шахтой переводят во вторую. Ночью немецкая стража дремлет. Русскому в окошечко душевой протягивают одежду, сшитую по мерке. После гудка он выходит за ворота в толпе бельгийских шахтёров, не отличимый от них. На трамвайной остановке его ждут. Пароль, отзыв, поездка в трамвае до кольца, затем в лес — и на ферму, где обеспечена явка.

Там новобранца встречает Пётр Иванович.

— Фашисты бубнят по радио о победах на восточном фронте, — говорит он, — а я думаю про себя: ладно, погодите, наши силы при-

бывают. Вот сегодня ещё один в строй вступает на моём участке.

Теперь надо дать беглецу карту, объяснить, как он будет двигаться, — где поездом, где пешком. Надо назвать верных друзей, готовых дать ему ночлег, еду. Фермера, стрелочника на железной дороге, лесника...

Пётр Иванович не мог проделать весь путь со своими подопечными. Он брал их в машину на подступах к Арденнам, поближе к партизанскому отряду.

Итак, город Рошфор, заглухший двигатель....

ГЛАВНОЕ — ХЛАДНОКРОВИЕ

— Выхожу я из машины, улыбаюсь жандарму. «Фу, ты, — говорю, — безобразия! Извините, загродили тут у вас дорогу!»

Шофёр копается в моторе. Он тоже человек бывалый, не проявляет беспокойства. Старательно, без всякой спешки орудует гаечным ключом.

— Жандарм поглядел вскользь на мои бумаги, кивнул, потом подошёл к шофёру, даже совет ему дал какой-то... Главное — хладнокровие. Показать, что не испугался, а то привяжутся. Обыщут машину — тогда капнут.

Правда, оружие в машине было. Но завязывать бой не следовало никоим образом. Рядом — воинская часть. Пётр Иванович не имел права рисковать. Доставить людей в лес, в землянки, — так гласил приказ командования.

Я пытаюсь представить себе сцену, — застрявшая машина, жандарм, немецкие надписи, прибитое к столбу предупреждение командования: за содействие партизанам — смертная казнь...

День воскресный, на улице пусто. Дремлют дома-близнецы. Где-то кричит пегух. В одном садике, на скамейке, девочка насыпает зёрна в кормушку для птичек. Это миниатюрная копия дома — те же гладкие белые стены, та же красная крыша. Таким миром веет от городка, что приключение у поста

жандармерии кажется мне невероятным. Но рядом — живой герой событий.

— Другой раз мне повезло, сумасшедше повезло...

Это случилось в соседнем городке, у вокзала. Пётр Иванович только что сошёл с поезда. Короткий осенний день кончился. Сумерки, накрапывает дождь. Чем темнее, тем лучше: авось удастся пройти, не попавшись на глаза патрульным. Документы имеются и пока что подозрений не вызывали, но всё-таки желательно как можно меньше встречаться с этой публикой. Особенно, когда у тебя огромный, тяжёлый портфель, набитый оружием...

— Иду я и нагоняю старушку с мешком. Пожалел я её. Пожалел — на своё счастье...

Взвалил мешок на плечо. Идём. Навстречу — жандарм. Отступать некуда. Немцы часто проверяют не только пропуска, удостоверения, но и вещи. Мешок сразу бросился в глаза жандарму, он обхватил его, пощупал.

— Картошка?

— Да, — говорю, — картошка.

Жандарм всё же заставил опустить мешок, засунул в него руку. Ну, думаю, сейчас дойдёт очередь до портфеля! Так и подмывает отвести его назад, за спину. Нет, нельзя. Держу нарочно у самого нбса жандарма. Он пыхтит, роется в картошке. Наконец, сообразил, что напрасно потерял время, кинулся к другим пассажирам, вышедшим из поезда.

Старушка потом очень горячо благодарила Петра Ивановича. На радостях он донёс ей мешок до своего дома.

— Знала бы она... Это я ей объясан по гроб жизни.

САМАЯ НАДЕЖНАЯ ЯВКА

Кружит и петляет дорога. «Осторожно, дикие олени!» — объявляет дорожный знак. Олени под охраной, обижать их, а тем более истреблять нельзя.

— Знаете, чему учит партизанская жизнь? Если хочешь перехитрить оккупантов, не шарахайся от них в сторону, как заяц, не кидайся в первый попавшийся закоулок, а возьми себя в руки и сообрази... Часто бывает, что самая надёжная явка — под носом у противника. Даже в его логове...

Дорога выносит нас на край косогора. Внизу, под обрывом, в узкой долинке, уютный городок Лярош: плотное скопление построек из красного кирпича, старинный замок на холмике. А слева прилепилось к откосу большое щеголоватое белое здание. Веранда летнего кафе, ящики с цветами.

Пётр Иванович звонит. Дверь открывает полная, пожилая женщина, всматривается.

— Мсье Пьер! Неужели вы?

— Да, да, мадам Бинэ, — говорит он. — Что, постарел? Да, двадцать пять лет не виделись. Познакомьтесь, со мной гость из Советского Союза.

— О-ля-ля! Хоть бы предупредили, мсье Пьер! Печка холодная, у нас ремонт...

— О, не беспокойтесь! Мы пообедали.

— Это верно? Вы не голодны?

Мы поклялись, не кривя душой. По дороге, в ресторанчике, мы ели жареного кабана.

— Покажите гостю кухню, — просит Пётр Иванович.

Газовые плиты, обитые цинком посудомойки, шкафы и полки с посудой, часы с кукушкой, деревянная табличка с выжженным изречением: «В родном доме всё вкуснее». Вряд ли я когда-нибудь осматривал кухню с таким интересом, с таким волнением, как тогда, — ведь в годы войны мадам Бинэ принимала здесь советских военнопленных. В качестве пароля они предъявляли половину монеты в десять сантимов. Адрес им давал мсье Пьер, а иногда приводил сам.

— Конечно, их следовало сперва как следует накормить, — рассказывает мадам Бинэ. — В пути они

питались кое-как. Да и на шахте ели не жирно.

Никто не совался сюда выяснять, что за люди едят у мадам Бинэ, ночуют в пристройке для слуг во дворе, загружают углём топку котла, моют посуду, рубят мясо.

Гостиницу эту, лучшую в округе, облюбовали себе гитлеровские офицеры в высоких званиях. Они располагались тут на отдых. Место считалось безопасным от партизан. Хозяева пользовались полным доверием оккупантов. По-

стояльцев не касалось, кого набирает в свой штат мадам Бинэ.

— А я бошам прямо сказала: «Если вам требуется покой, избавьте гостиницу от всяких облав и проверок. Я, кажется, ни в чём не замечена, клиенты не жалуются...»

Понятно, что и партизаны оберегали покой мадам Бинэ, не ставили под удар ценную явку.

— На первых порах было очень страшно. Спасибо мсье Пьеру, ободрял меня, приносил новости с фронта. Ваша армия хорошо коло-

тила бошей. Так как же не помогать русским? Война, ничего не поделаешь.

Я крепко пожал руку мадам Бинэ. Мы вернулись в машину, и Пётр Иванович снова нажал стартер:

— Покажу вам ещё одну явку.

Дорога нырнула в ложбину. Лес стиснул нас, накрыл своей тенью, затем внезапно расступился, — мы подрулили к небольшому ресторанчику. На вывеске странное, длинное слово «Нинглингспо». Так же именуется и ручей, который шумит напротив, в хвойной чаще, сбегая с холма. Когда-то, во времена кельтов, древних обитателей края, как гласит легенда, там жила нимфа Нинглингспо.

В зале ресторанчика — старомодном, темноватом — сидят фермеры, пьют пиво из высоких кружек. Пётр Иванович окликает рослого седого мужчину за стойкой.

— Неужели мсье Пьер?

— Да, это я, мсье Жак.

Мы все трое за столом, перед нами кружки из гранёного стекла с силуэтом нимфы. И мне опять нужно мысленно отбросить себя на четверть века назад. Тогда тоже пили пиво, хоть и куда хуже качеством. В зале тоже былолюдно. Но разговоры стихали, когда появлялся оккупант или его местный подручный, ещё более ненавистный.

— Впрочем, среди бельгийских полицейских разные были люди, — вспоминает мсье Жак. — Ты помнишь Кадэ?

— Ещё бы! — отвечает Пётр Иванович. — Погиб, бедняга...

— Да, слышал...

Советские пленные здесь не гостили. Явка у Жака имела другое назначение: Пётр Иванович и его друзья передавали тут оружие для отправки в лес, партизанам. Принимал оружие Жозеф Кадэ, полицейская форма освобождала его от подозрений.

— Не забуду я твоё заведение, — говорит Пётр Иванович. — Вон там в углу мы сидели, я и Кадэ.

— Я подал вам пиво.

— Мы и по одной не успели выпить!.. — Пётр Иванович крепко стиснул ручищей кружку.

— Жаль Кадэ. Тут наша вина...

— Твоя сестра наглушила, Жак.

ТРОФЕЙНЫЕ САПОГИ

Невдалеке, в лесу, партизаны устроили засаду карателям. Несколько гитлеровцев поплатились жизнью.

Пётр Иванович не знал об этом, когда шёл в «Нинглингспо» со своим портфелем. Как всегда, в нём были пистолеты, патроны. Дошныи жандармы на этот раз не попадались. Тревога, вызванная лесной стычкой, уже утихла.

Жозеф Кадэ, партизанский связной, ждал за угловым столиком. Пётр Иванович подсел. Портфель под столом. Сейчас Кадэ возьмёт опасную ношу, уедет на велосипеде, отвезёт на ферму, своему человеку. Всё идёт пока хорошо.

Вдруг застрекотали мотоциклы. Не пронеслись мимо, а затормозили у самых окон.

Проверка!

Кадэ выскользнул во двор, в сарай, закинул портфель за поленницу. Успел как раз вовремя. Во двор вбежал унтер с автоматом, заметил бельгийца.

— Ты что тут делаешь?

Кадэ сказал, что ходит по дворам, ищет козу. Пропало животное. Хозяин обратился в полицию, надо реагировать.

— Отставить козу! — крикнул унтер. — Будешь нам помогать.

— Слушаюсь!

Вместе с патрульными — паренёк лет семнадцати. Гитлеровцы подталкивают его то к одному посетителю, то к другому.

Паренёк мотает головой.

— Нет, первый раз вижу.

— А этого?

— Нет, не знаю.

Ясное дело, фашисты схватили его, считают, что он связан с партизанами. А «Нинглингспо» теперь, выходит, на подозрении.

Группа приближалась к Петру Ивановичу, и тут он узнал юношу. Да, партизан. Совсем недавно, дня три назад, виделись в лесу, в землянке. Как же он угодил в плен?

Пётр Иванович сам направил парня в отряд. Сын знакомых брюссельцев. Хрупок на вид, изнежен, но воевать просился слёзно.

И вот они смотрят друг на друга в упор. Пётр Иванович не отводит глаза, он спокойно отхлёбывает пиво.

— Встать! — рявкнул унтер.

Пётр Иванович старается изобразить недоумение. Что им от меня нужно!

Выдаст? Не выдаст?

Прошли секунды, очень долгие для него секунды, прежде чем юноша раскрыл рот.

— Нет, и этого не знаю.

Спасён!

Может быть, голос парня дрогнул? Унтер нахмурился. Господин из Брюсселя? Зачем пожаловал в

эту глушь? Объяснений унтер не стал слушать, отправил на улицу под конвоем, ждать машину из комендатуры. Там стоял Каде, караулил задержанных.

Все в машине не поместились. Пётр Иванович и ещё двое остались под присмотром у Каде. Патруль умчался.

— Бегите, — тихо сказал Каде.

Пётр Иванович заколебался.

— Я как-нибудь выпутаюсь, — ответил Жозеф на немой вопрос.

Друг рискует головой, это очевидно. Но в сарае — портфель с оружием. Нельзя его там оставлять. Кто-то должен передать оружие партизанам. Каде занят, он поедет в комендатуру.

Каде «зазевался», и Пётр Иванович сбежал.

Вечером, в шалаше у партизан, Пётр Иванович спрашивал: из-за чего всполошились гитлеровцы? Кого они ищут?

Причина открылась не сразу. Оказывается, с немецких солдат, убитых в перестрелке, партизаны сняли сапоги. Одна пара попала в «Нинглингспо», Жаку и его сестре. Они давали приют партизанам. Был у них и тот юноша — из Брюсселя. Явился в худых башмаках, в дождь. Примерила ему сестра Жака немецкие сапоги — как раз оказались впору.

Через несколько дней брюссельца на дороге задержали жандармы. Сапоги подвели его...

— Жозефа мы лишились, — закончил рассказ Пётр Иванович. — Мотали его, мотали по допросам... Потом расстреляли. Боши как-то обнаружили, что он был с нами... Кто-то наябедничал.

— Да, мсье, — сказал Жак и обернулся ко мне. — Мы уж ломали голову с Пьером...

— Работа предателя, такое наше мнение, — кивнул Пётр Иванович. — Найти бы его! Знаете сколько лет прошло, а я всё-таки не могу успокоиться. Может, он тут, рядом...

Мы вышли из «Нинглингспо», когда стемнело. Подкатила забрызганная грязью малолитражка, из неё вышли двое в зелёных охотничьих куртках. Может, один из них выдал Жозефа? Мне виделся и молодой брюсселец, ученик лица, шагающий в дырявых башмаках, — такой щуплый, ненадёжный на вид боец партизанской армии.

Можно ли было предсказать, кто как поведёт себя на войне? Хлипкий лиценст стал героем, выдержал пытки, молчал, а кто-то другой, может быть покрепче телом...

— Неужели негодяй останется безнаказанным? Какой чудесный был человек Жозеф! Вы не представляете. Мы потом его вдове помогали. Хорошая, отважная женщина...

НА ПЕРЕДНЕМ КРАЕ

Мы берём курс на юг, в глубину Арденн.

Река Урт не расстаётся с нами,

подбегает то справа, то слева. Её сицева гаснет, темнеет, потому что берега всё круче, горы всё выше. Лохматые их бурки кое-где прорезаны красной голого камня. С большака сворачиваем на просёлок. Селения редки, фермы маленькие, бедные, — не то что на равнине.

Деревушка Баклен — горсточка домов из диких, грубо отёсанных обломков скалы, тощие садики, полоски ржи, ячменя, упирающиеся в лес.

— Вот наш передний край, — говорит Пётр Иванович.

Старая женщина выходит из дома, держит козырьком ладонь. Доброе лицо в мелких-мелких морщинках.

— Нет, не узнаю вас, мсье... А впрочем...

— Пьер.

— Да, да, мсье Пьер! Вот радость! Да входите же!

Трещат дрова в плите. Булькает вода в старом, пузатом чайнике с подпалинами на боках.

— О, у вас всё по-прежнему, мамаша Клеманс!

Ветераны-стулья, продавленное кресло, огромное в тесном помещении. Табличка с изречением: «Когда бедняки помогают друг другу, бог ласково смеётся». Фотографии родных, картинки из журналов, приклеенные к обоям. На одном портрете, в рамке, — энергичное молодое лицо.

— Помните его? — спрашивает хозяйка.

— Да, ваш Жюль. Где он сейчас?

— Всё там же, мсье Пьер. У него гараж в Льеже, вы же знаете. Гараж — скорлупка, дохода чуть-чуть, но жаловаться стыдно. На семью хватает. Внука мне подарил...

— Командир здешнего отряда, — поясняет мне Пётр Иванович.

Тогда считалось, что он в Канаде. Когда боши интересовались, мадам Клеманс показывала им письма от сына с канадскими мар-

ками, с иностранными штемпелями. Вся деревня восхищалась — до чего ловко мамаша Клеманс дурачит бошей! Они так и не раскусили подделку.

И то, что она готовила еду партизанам, а иной раз пускала их ночевать, тоже не было тайной для односельчан.

— Предатель тут не уцелел бы, — говорит Пётр Иванович. — Тут был, в сущности, центр партизанского края. До ближайшей комендатуры немецкой — пятнадцать километров. Фашисты редко показывались, боялись нас.

Землянка Жюля находилась совсем близко от фермы. Он мог видеть сквозь прогалину родной дом. А на опушке леса партизанский дозорный не спускал глаз с окон мадам Клеманс.

Если свет в доме вспыхнет два раза — значит, в деревне боши, за едой посылать нельзя.

— А у меня ужин готов. Я жду не дождусь, когда уберутся проклятые нацисты. Мальчики-то мои голодные сидят!

Мадам Клеманс поворачивает выключатель, демонстрирует язык сигналов, врезавшийся в память навсегда. А горшок с цветами? Он ведь не случайно появлялся то в одном окне, то в другом.

— Я тоже была под командой у моего сына, — улыбается она. — Солдатом была.

— Ну нет, — говорит Пётр Иванович. — Не скромничайте.

И правда, звание у нее было весьма высокое. Русские парни, закинутые в чужие леса, с застенчивой неуклюжестью называли мадам Клеманс «маман» — мама. Это было если не первое француз-

ское слово, то во всяком случае самое дорогое. Им нужна была не только храбрость мадам Клеманс, но и доброта. Да, доброта — тоже драгоценное качество на войне!

— Один мальчик мне грибов принёс. Я больная была. Кушайте, говорит, маман, поправляйтесь. Грибы полезные, у нас в России их очень любят. А я их сроду не едала. Но как же мне было обидеть хорошего мальчика! Я поджарила и попробовала при нём. Похвалила.

— Берёзовики, — говорит Пётр Иванович. — Тут грибное место. Бельгийцам они ни к чему. Не принимают вкуса.

Как же действовал отряд?

Пётр Иванович перечисляет взорванные склады боеприпасов, мосты, убитых оккупантов, захваченных мотоциклистов с штабными документами. Партизаны совершали ночами большие переходы, нападали там, где враг меньше всего ожидал их. Приказ центра гласил: тревожить фашистов, тревожить чаще, чтобы сковать как можно больше вражеских сил.

Парни из разных стран выполняли боевой приказ — в том числе советские пленные воины, вступившие в новые бои вдали от родной земли. Бельгия помнит их замечательный вклад в дело освобождения, их отвагу, их военное умение.

Мы прощаемся.

— Иван... Алексей... Степан... — мадам Эстас Клеманс старательно выговаривает русские имена. — Жаль, у меня нет фамилий, адресов. Может быть, у вас записано, мсье Пьер? Я бы очень хотела передать им привет. Сказать, что мамаша Клеманс их помнит.

Пишут ребята

В 1967 ГОДУ в австралийском городе Аделаиде произошло событие, которого никогда до этого в стране не бывало: в книжных магазинах появилась тоненькая книжечка под названием «Пишут юные». Выйди такая книжечка у нас, ей бы не очень и удивились: в нашей стране сборники со стихами и рассказами ребят выходят чуть ли не каждый год. А вот в истории Австралии такое случилось впервые.

О чём же пишут австралийские ребята? Так же, как и наши, — обо всём, что видят вокруг, слышат от старших, читают в газетах. В своих стихах они рассказывают и о войне во Вьетнаме, и об очень важной для Австралии проблеме её местных жителей — аборигенов, и просто о просыпающемся городе, о животных, о своей природе.

Маргарет

ХАРДИ

НАДПИСЬ К ФОТОГРАФИИ РЕБЁНКА, КОТОРЫЙ СНЯТ СО СВОЕЙ МАТЕРЬЮ, РАНЕ- НОЙ НА ВОЙНЕ ВО ВЬЕТНАМЕ

Что ты скажешь об этом ребёнке?
Об этом двухлетнем ребёнке, который уставился
в аппарат?

Что он знает о детстве?
Ведь наше детство беспечно бежало по бесконечной
лужайке,

Залитой солнцем счастья.
Мы гнались друг за другом в чаще деревьев смеха,
Улыбаясь и падая в пушистые травы.
У таких детей нет ползущего в душу страха,
Который даже мать отогнать не может.
Их глаза беззаботно смеются,
Они родились с готовым правом на радость.
Но у него —
У него только крики матери,
Только рука его раненой матери,
Которая, умирая, пытается прикрыть его.
У него только дом,
Который внезапно занялся пламенем,
У него только отец, братья и сёстры,
Которые не успели вовремя выскочить.
Для него — мёртвые и умирающие,
Ружья, ножи и пули.
Для него — леденящий страх, который сжимает
Липкими пальцами плечи его.
Этот страх никто не может стряхнуть.
Для него мы наигрываем мелодию войны.

.....

Нет, он не уставился в аппарат —
Он смотрит на нас.

* * * Австралия * * *

Не все стихи австралийских ребят написаны привычными для нас ровными рифмованными строчками. Часть их стихов совсем не имеет рифм, да и строчки в них разного размера. Это — так называемый «свободный стих», ставший сейчас вполне обычным в западной поэзии.

Но в какой бы системе ни были написаны стихи австралийских школьников, для нас они всё равно интересны. Хотя бы тем, что раскрывают внутренний мир их авторов — таких же ребят, как и вы. Я надеюсь, что вас эти стихи увлекут так же, как и меня, когда я работала над их переводами.

Галина УСОВА

Сьюзен

КРЭФТЕР

СВИНЬЯ ?

Сидела я у ручейка,
И вдруг — свинья без пятачка.
— Эй, хрюшка, где твой пятачок?
— Мой брат повесил на крючок!
— Постой, свинья, а где твой хвост?
— Вчера закинула под мост!
— А почему же ушек нет?
— Отрезала, — свинья в ответ, —
Но вот откуда ты взяла,
Что я — свинья?

Элей

КЛИРИ

Запустение

Племя откочевало в другие места.
На стоянке остались только погасшие костры
Да несколько хижин из хрупких жердинок.
Хижины их защищали — теперь там гуляет ветер,
Костры — вокруг них танцевали —
теперь черны и мертвы.
Племя ушло — и никто даже не оглянулся,
Никто не вздохнул и не обронил слезу.
Но так бывает всегда, если племя меняет стоянку.

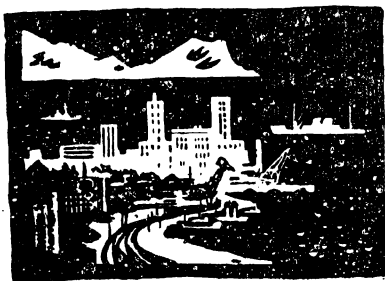
Майкл
МАСТЕРС

Работа

С восьми до пяти мы трудимся,
Трудимся, чтоб сдать экзамены,
Экзамены, чтоб получить аттестат,
Аттестат, чтоб дали работу,
Работу, где будем трудиться,
Трудиться от восьми до пяти.

Марк
ТОППЕРВАЙН

Город просыпается

Вот город мой
проснулся
И с хрустом потянулся.
Рассвета слыша гул,
Поднялся он, зевнул—
И свежестью полощет
Все улицы и площади.
Прочистил ветерком
Он волосы потом,
С причёски сажу
снял —
И солнцем засиял.
Грохот — скрежет —
звон —
За труд берётся он!

Элен
ХОЛЛОУ

Старый Джексон

Джексон —
чернокожий
Джексон — старик.
Как наши деды, тоже
К дорогам он привык.

На дне сухого крика*
Ни капли нет воды,
В бесплодной пустыне
Не добыть еды.

Пёс его помер,
Печальный он опять.
Как живут белые —
Ему не понять.

Рис. А. Курушина

* Река, полностью
пересыхающая летом.

ПОДОЗРЕНИЕ

НЕВДАЛЕКЕ от лыжни, в кустах, что-то чернело, какая-то странная точка на снегу. И хоть лень было Сергею добираться к ней по целине, любопытство одолело. Он сошёл с лыж и побрёл, проваливаясь, осторожно отводя от себя упругие ветки кустарника.

Точка оказалась чёрным комочком, маленьким, с грецкой орех, мягким и совсем почти невесомым. Пока Сергей пробовал его на ощупь, запачкал пальцы. Понюхал находку — вроде дымом припахивает. Похоже, кто-то скомкал бумагу и поджёг, да она только сверху обгорела.

Сергей осторожно развернул комочек и убедился, что это бумага и есть. Местами она прогорела насквозь, местами обуглилась, а кое-где была совсем светлая, и сохранила на себе отпечатанные в типографии слова. Напрягая глаза, Сергей начал читать затёртые строчки.

«В номере капитан и Батулин... недолго. Они тщательно... в комнату Пиррисона... дверь, она не была... стоял комод...»

Прочитал и остолбенел. Понял, что держит в руках не простую бумагу, а страшную улику.

— Эге-ге-гей! — донеслось из чащи. — К дому-у-у!..

Пока эхо раскатывалось по лесу, повторяя эти слова, Сергей спрятал свою находку во внутренний карман куртки, подхватил брошенные на снег рукавицы и быстренько выбрался на лыжню.

— Иду-у-у! — закричал он, отталкиваясь палками.

Будь дружки чуть повнимательней, они, пожалуй, заметили бы, что Сергей какой-то стал не такой. Но им не до него, потому что приподнились в лесу и теперь предстояла встреча

с разгневанной Надеждой Кирилловной. Ведь уроки-то ещё не деланы, а до интерната добрых шесть километров.

Выстроились гуськом, надали. Долговязый Санька Чернышёв бежит первым. Время от времени он поворачивает голову и задирает Костю Боровикова:

— Шляпа! Не мог соли захватить... Голыми руками хотел взять...

— Сам шляпа! — мгновенно «заводится» Боровиков. — Она ж, считай, у тебя в руках была...

Это они про белку. Поймать не поймали, а только нахватили снегу за шиворот и щёки еловой хвоей пооб-

дирали. Белка же — с ветки на ветку, с ветки на ветку... Качнется, будто на трамплине, и — ух! Лишь снежная пыль клубится, а над ней, как веер, пружинит распушённый хвост.

Сергею не до разговоров. Он машинально отталкивается палками, а сам в уме словно тугой клубок разматывает. Бумага-то, которая в кармане, — это же патронный пыж. Никто её не поджигал — обгорела от выстрела. И место как раз совпадает! Должно быть, ветром чуть откатило от той полянки, на которой неделю назад какой-то злодей зарыл в снег шкуру, рога и копыта убитого им лося. Зарыл, да плохо: вороны раскопали! Но при чём же тогда хромой лесник Антон? Выходит, ни при чём. Мало ли что его видели с мешком на лесной опушке. Это ещё не доказательство. Ведь не нашли у Антона ни лосятинны и ничего такого.

А доказательство у Сергея в кармане. Оказывается, ниточка тянется совсем в другую сторону. Кто бы мог подумать? Ведь солидный человек, и партийный к тому же. Лесничий! Выходит, ему наплевать на хромого Антона. Помалкивает и, поди, усмехается, что следствие пошло по ложному пути. Как же так? Ведь оба — фронтовики! Да и отношения у них вроде приятельские...

Сергею даже в жар кинуло. И хромого Антона жалко, и лесничий ему не чужой. Можно сказать, родственник.

Надо ж как случается! Жили они вчетвером и горя не знали: мать, да Сергей, да Димка с Катюшкой. Ну, были порой нехватки, так без отца же...

И ВДРУГ зачастил лесничий. Приедет на велосипеде, конфетками угощает, разные разности рассказывает. Димке да Катюшке и невдомек, что тут к чему, потому что мало ещё соображают. А Сергей смекнул.

Так оно и вышло. Воскресным днём, уже на исходе лета, подкатил к дому грузовик. Незнакомый шофёр и хромой Антон откинули борта, крихтя, сняли книжный шкаф. Вслед за ним выпрыгнула из кузова пятнистая, вислоухая Репка.

— Принимай имущество, хозяйка! — сощурился навстречу выглянувшей Сергеевой матери прокопчённый солнцем Антон.

— А где ж сам-то? Или не приехал?

— Приехал. Возле сельмага сошёл. Должно, что-то купить понадобилось. Выбежал Димка, за ним — Катя.

— Заноси! — распорядился Антон. Димка покатил в сени велосипед, разбрызгивая щитками солнечные зайчики. Катя бережно понесла удочку с катушкой и толстой пробковой рукоятью.

— А ты что, особого приглашения дожидаться? — нацелился на Сергея Антон. — На-ка, тащи!

Сергей нехотя сошёл с крылечка, принял из рук лесника тяжёлую трёхстволку и патронташ.

Репка повела умной мордой, как бы ища совета. Потом поставила на ступеньку лапу, чуть помедлила и, решив, что ей надлежит следовать за ружьём, взбежала на крылечко.

Сергей оглянулся. Собака остановилась в нерешительности.

— Иди, не бойся! — позвал Сергей. — Ты-то при чём, глупая! — И погладил заробевшую собаку.

Репка благодарно вильнула хвостом, громко застучала когтями по выскобленным половицам сеней. Изловчившись, она лизнула Сергея в руку мокрым, прохладным языком.

Пока разгружали машину, подошёл лесничий. Подавая Сергеевой матери толстый портфель, тихонько попросил:

— Собери, Клавушка, перекусить...

Сергей надулся. «Какая она ему Клавушка!» И чтоб не стоять и не слушать, подхватил чемодан, бегом потащил в дом.

С виду лесничий был, как и раньше, спокойный, уверенный, солидный. Но Сергей понимал — это всего лишь маскировка. Ясно, что внутри он сейчас напряжён как струна: боится допустить какую ни на есть промашку. И не зря боится: Сергей только её и ждёт.

Сели за стол. Лесничий откупорил вино и первой налил Клавдии Семёновне. Потом Антону. Но уже не вина, а полную стопку «столичной».

Сергей насторожился. Как только нальёт ему, Димке и Кате, он встанет и с достоинством выйдет из-за стола.

— А водителю и ребятам не положено! — мягко улыбнулся лесничий. — Разве что сладенького лимонадду. Верно?

Шофёр кивнул и отодвинул рюмку. А Сергей ещё больше надулся.

— Ну, давайте пировать, — поднял лесничий свою стопку. — Так за что же выпьем, друзья?

— Известно, за счастье! — присосался Антон. — С новосельем тебя, Андрей Иванович! И чтоб в этом доме всегда были мир и лад.

Антон чокнулся с Клавдией Семёновной, с лесничим и одним духом опорожнил стопку.

— Горько! — крикнул он и озорно повёл глазами.

Лесничий сделал вид, что не понял намека, а Клавдия Семёновна чуть порозовела.

— Закусывай, Антон Петрович, — отшутилась она. — Без закуски и впрямь горько.

Димка и Катя с наслаждением потягивали прохладный лимонад, заеда-

ли конфетами и даже не догадывались, о чём идёт речь за столом. Сергей же уловил намёк. Он знал, что на свадьбе, по обычаю, как только гости закричат «Горько!», молодые должны встать и поцеловаться. Потому и глянул на Антона, словно ударил, и приготовился уже выскочить из-за стола.

Но всё обошлось. Антон поспешно ткнул вилкой в глиняную миску, низал ядрёный малосольный огурчик, шумно его понюхал и с хрустом откусил.

— Вот это засол! — похвалил, жмурясь от удовольствия. — Прямотаки министерские огурцы!

За разговором выпили по второй, по третьей. Антон заметно повеселел, а лесничему хоть бы что. Потчует гостей, подшучивает над ребятами да поглядывает украдкой на Клавдию Семёновну. Мол, всё идёт, как надо?

Она неприметно кивает, хоть и видит, что семейного лада, которого пожелал Антон, и в помине нет за столом: Сергей безучастно смотрит себе в колени, словно он тут в гостях.

ДОЛГОЙ показалась Сергею та ночь. Он лежал с открытыми глазами и думал. Про себя, про мать, про Катюшку, про Димку, который преспокойно посапывал в темноте, будто в доме ничего такого и не случилось. Потом забарабанил по крыше дождь, и Сергей, наконец, забылся под шум, так ничего и не придумав.

Разбудило его солнце. Он распахнул отсыревшие створки окна. В палисаднике распрямлялись поникшие от ночной росы георгины. Огненно-красный петух Никанор брёл по мокрой траве и на каждом шагу брезгливо отряхивал когтистые лапы.

Со скрипом приоткрылась половина ворот. В широкой щели показалась рогатая голова Берты. Корова лениво повела одним ухом, другим. Потом медленно двинулась вперёд, сердито пыхтя. Ворота закрылись. Сейчас сойдёт с крылечка мать, поведёт Берту на выгон, к пастуху. Сколько раз Сергей настаивал, чтоб будила его, а она всё сама!

Но вышел лесничий. Притворил дверь, глянул из-под соломенной шляпы вдоль дымившейся на солнце улицы, зашагал вслед за коровой. Высокий, неторопливый, обстоятельный.

Сергей было спрятался за простенок, потом снова выглянул. Но уже пропала охота любоваться улицей. Он зевнул, потянулся до хруста в костях, глянул на спавшего Димку и пошёл умываться.

Рукомойник, висевший над ведром в сенях, был для Сергея сущим наказанием: стоило лишь намылиться, как в нём кончалась вода. А по утрам её не оказывалось и во всём доме. Волёй-неволёй Сергей хватал ведро и, жмурясь, бежал к колодцу, ругая себя и зарекаясь не братья за мыло, пока не заглянет, есть ли в рукомойнике вода. Но приходило новое утро, и всё повторялось: намыленный Сергей, чертыхаясь, бежал к колодцу.

На этот раз, правда, он вспомнил, что опять не заглянул в рукомойник. Но вспомнил уже намыленный. «Сейчас, проклятая, кончится!» — подумал, закипая от злости, и на ощупь подкинул ненавистную висюльку. Рукомойник плеснул порцию воды.

Что за чёрт! Сергей сунул в ладони намыленное лицо, чтоб хоть глаза промыть. Но в ладонях воды не хватило, только размазал пену.

Крякнув от возмущения, уже не надеясь, он снова подкинул стерженёк. В пригоршни ударила упругая холодная струя.

Сергей выпрямился, открыл глаза. Так и есть! Полон не только рукомойник, но вдобавок ещё и ведро. Аккуратно прикрытое фанерным кружком, оно стоит на лавке, сырое, словно запотевшее.

Случись это ну хоть ещё вчера утром, Сергей бы сказал: «Везуха!» А сегодня попятился от рукомойника, воровато оглядываясь, не видел ли кто, как он мылся чужой водой.

Бежать к колодцу? Так нет же порожнего ведра. Выплеснуть? Ну, это уж совсем дурь...

Мыло тем временем заползло в глаза и начало делать своё дело.

Чертыхнувшись, Сергей кинулся к

рукомойнику и яростно заработал ладонями, фыркая и разбрызгивая воду, торопясь, пока не скрипнула дверь и не вернулся лесничий.

Успел! Схватил с гвоздя полотенце, огляделся. На сундуке сидел жирный кот Вакула.

— Брысь, толстомясый! — топнул ногой Сергей.

У Вакулы чуть вздрогнули брови, лениво прижмурились глаза, но он не сдвинулся с места.

— Я тебел.. — шагнул Сергей к сундуку и замахнулся полотенцем.

Вакула тоже замахнулся. Растопырил широченную лапу, оскалился, готовый постоять за своё достоинство.

Чем бы у них кончилось, неизвестно. Но в это время на крылечке за скрипели половицы. И Сергей поспешно скрылся в комнате, а Вакула остался сидеть на сундуке.

До сентября было ещё полмесяца — последние недели каникул. Но Сергея они теперь, сказать по правде, не радовали. Дома стало как-то неуютно, вроде исчезло что-то привычное, потерялось. И хотелось уж поскорей в интернат, к друзьям-приятелям, с которыми расстался в начале лета. Нынче ему учиться в восьмом.

ДИМКА и Катя быстро сошлись с отчимом, даже подружились. То он им что-то расскажет, и все хочут. То они ему. И тогда лесничий чуть приподнимет левую бровь — внимательно слушает, вникает в суть. Про наживку ли на крючок для окуней или шарикоподшипник, который Димка носит в кармане, а то и про Катины синие капроновые ленты. Оказывается, их нельзя сушить на солнце и утюгом гладить — ни-ни! Разве что не горячим, а только тёплым.

Случалось, они начинали возиться, даже бороться: двое против одного. И тогда все трое оказывались на диване. Поднимался спор, кто победил, да такой шумный, что прибегала из кухни мать и мигом водворяла порядок.

Сергей держался в сторонке. Если отчим что-нибудь спрашивал, он коротко отвечал, глядя в землю, но сам

вопросов не задавал. И вообще старался реже попадаться на глаза.

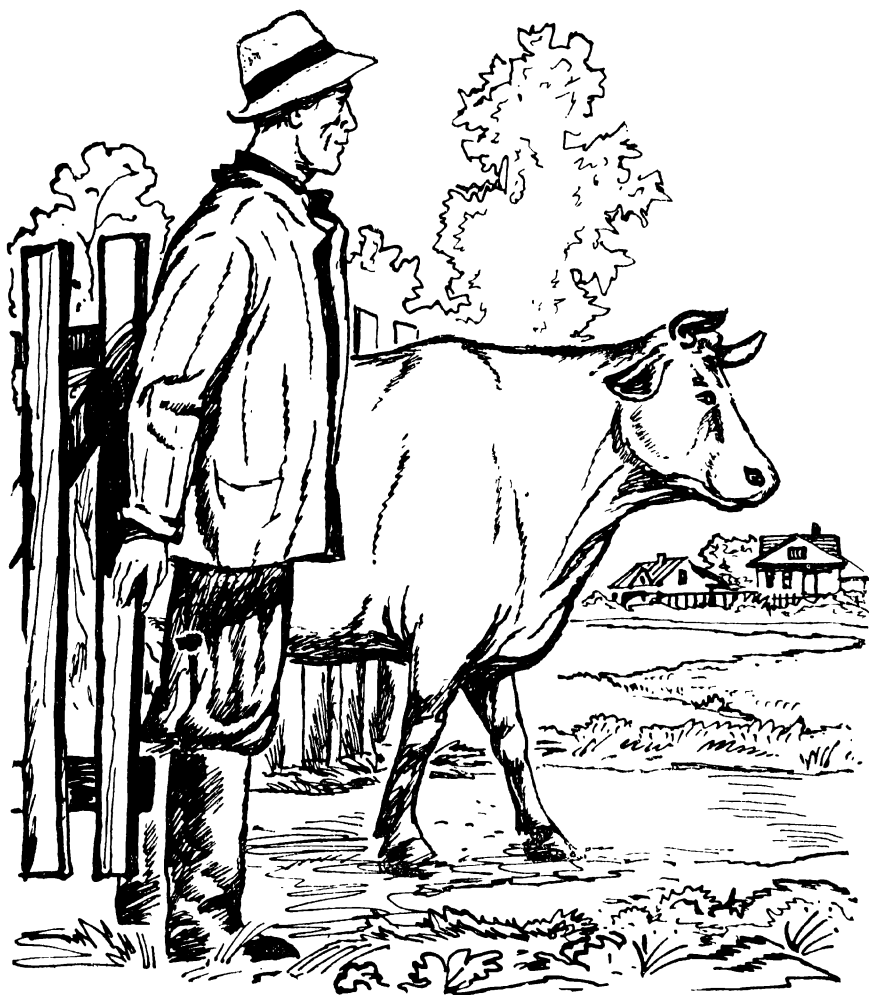
Отчим привёз полный шкаф книг. На верхних полках — по лесоводству, по агрономии, а на нижних — просто для чтения. Шкаф не запирался, если не считать выдвижного ящика, где хранились охотничьи припасы: патронташ, порох, дробь, гильзы, пыжи. Разряженная трёхстволка висела на стене.

Была ещё и этажерка. На ней нет-нет да и появлялась свежая книга из районной библиотеки или толстый журнал, а то и сказки, которые лесничий приносил специально для Кати.

Вот с этой этажерки и взял однажды Сергей книжку — толстый коричневый том Константина Паустовского, — чтобы почитать в своё удовольствие, пока мать и отчим на работе, а Димка с Катюшкой неизвестно где.

Улёгся на диване, головой к окну, полистал, выбрал по оглавлению роман «Блещающие облака», раскрыл.

Поначалу разные мысли в голове роились, мешали. Но вскоре сосредоточился, вчитался. И вот уже Сергей не здесь. Вместе с морским капитаном Кравченко и его друзьями он переезжает из одного черноморского города в другой, с риском для жизни

гонится за негодяем Пиррисоном. А тот, подлец, никак в руки не даётся.

Шелестят страницы. Едва успевают бежать по строчкам глаза:

«Втроем мы его пристукнем. Я думаю — он спекулянт, если не хуже. Вы говорите, что дневник он увёз ещё из...»

Страница кончилась. Глаза перескочили на правую сторону книги, понесли дальше:

— «Напрасно вы уверены, что всё обойдётся, может, обойдётся, а может быть, завтра он хлопнет кого-нибудь из нас. Я к этому готов...»

Что за чепуха? Никакой связи! Сергей швырнул глаза налево вниз, снова перечитал уже читанные строки. И тут только сообразил, что в книге не хватает листка. Проверил — точно! После триста семидесятой страницы сразу идёт триста семьдесят третья.

Он быстро перелистал книгу, потом вскочил, оглядел пол, отодвинул диван, обшарил этажерку — всё напрасно.

— Вот скотина! — обругал Сергей кого-то невидимого. — Ну, вырвал нечаянно, так хоть в книгу вложи. Руки не отвалятся.

Он снова улёгся на диван, но был так сердит, что не читалось: в голове, как заноза, потерянный листок из книги.

ИВОТ этот листок нашёлся. Спустя четыре месяца! Обгорелый, грязный, а всё-таки нашёлся. Значит, у лесничего пыжа не оказалось, когда заряжал патроны. Надо же! Вместо пыжа листок из Паустовского... Хорошо, что Сергей не поленился свернуть с лыжни: мог бы запросто пройти и не заметить. И тогда что же? Ведь на подозрении один-единственный человек — Антон. Лось ведь не шутка. За убитого лося самое малое полтысячи штраф, а то и под суд. Тюрьма человеку ни за что ни про что! Даже если и штраф, то откуда у Антона такие деньги?

Сергей бежал на лыжах вслед за друзьями и, если говорить честно, завидовал им. У них одна забота — оправдаться перед Надеждой Кириловой за опоздание, наскоро приготовить уроки, поужинать и в постель.

Всё просто и ясно. А он взвалил себе на плечи чужую тайну и теперь не знает, что с ней делать. Можно, конечно, затоптать эту бумажку в снег, а то и сжечь для верности в интернатской кухне, и тогда останется всё, как было. Никаких забот! Но это ж предательство... А если отнести в милицию? Так, мол, и так — в лесу нашёл... Тогда нагрянут к лесничему. А там ведь и Димка с Катюшкой, и мать. Перепугаются — это ладно, а позор-то! Каждый начнёт пальцем тыкать... Да и не привык Сергей к таким делам. За это уже не ябедой обзовут, как некоторых длинноязыких, а доносчиком...

Когда после отбоя затихли интернатские спальни, Сергей тихонько оделся, на цыпочках вышел за дверь.

Уборщица тётя Елена подтирала в коридоре пол навёрнутой на швабру мокрой тряпкой. Увидев одетого Сергея, вопросительно подняла брови:

— Это куда ж, добрый молодец? Ай не нагулялся?

— Я не гулять, тётя Елена. Скажите, Дмитрий Васильевич ещё в школе? Не ушёл?

— Сидит, полуночник! — укоризненно повела глазами уборщица. — А тебе к нему непременно ночью? Или совесть нечиста?

— Угадали, тётя Елена. Нечиста! — серьёзно сказал Сергей. — Вот так надо! — провёл он ладонью по горлу.

Директор уже запирает дверь, когда увидел в коридоре Сергея.

— Ко мне? — спросил с тревогой в голосе. — Так срочно?

— К вам, Дмитрий Васильевич. На минутку...

Уселись в кабинете на мягком диване.

— Ну, так что же тебя привело?

Сергей сглотнул слюну, взглянул на директора:

— Вот, например, человек узнал чужую тайну. Что он должен делать?

— Что значит чужую? — задорно спросил директор. — Я не уверен, бывают ли такие тайны. Значит, она

этого человека ни капельки не касается?

— Его-то не касается, зато других... А этому человеку не всё равно.

— Ну, если так, то это уже не чужая тайна, — оживился Дмитрий Васильевич. — К примеру, один человек украл у другого кошелек, а ты видел. Тебе ведь не всё равно, правда? Какая ж тут чужая тайна? И если ты честный, порядочный парень и не трус, то сразу возьмёшь вора за шиворот. Сам не сможешь — милиционера позовёшь. Верно? Но это простейший пример. А бывает куда сложнее. Этот самый вор так спрячется, в такие красивые перья вырядится, что его и за ангела примешь. На это целая наука существует. Случается, что суд месяцами бьётся над какой-нибудь запутанной тайной, пока не разгрызёт. И всё это с единственной целью, чтобы восторжествовала правда, а не кривда. Но то суд, а как же нам быть? Ведь ни специальных наук не изучали и никаких таких приборов

у нас с тобой нет. Чем же руководствоваться? — Директор сделал паузу, потом твёрдо продолжал: — Советую! Это тончайший внутренний инструмент. Надо только содержать его в чистоте и постоянной готовности, как солдат содержит оружие. Понял? Нетрудно догадаться, что человек, узнавший чужую тайну, это ты и есть, — с усмешкой прибавил директор. — Я мог бы поинтересоваться, что за тайна, быть может, что-то дельное посоветовать, но не сделаю этого. Пора, брат, и тебе начинать взрослые дела. Самому решать задачи, не заглядывая в ответ. А теперь ступай. Спокойной ночи! — И директор протянул Сергею руку. Как взрослому.

Сказать по правде, Сергей всё это и сам знал. Ну, может, не так чётко, как директор, а всё-таки знал. Вот разве только насчёт того, что самому решать — это, пожалуй, новое. Что ж? Самому так самому! Если на то пошло, он уже решил! Но доносчиком Сергей всё равно не станет. Зачем,

если можно сделать куда проще. И куда хитрее.

С этим и ушёл. И преспокойно выспался, потому что решение принято «железное». Как гора с плеч!

В СУББОТУ Сергей на попутном самосвале приехал домой. Оказалось, что его ждали. Первой, как всегда, встретила Репка, ещё в сенях. И не пустила в комнату, пока не обработала языком сперва руки, а потом и лицо.

Дёма как-то по-праздничному — на топлено и пирогами пахнет! Лесничий чистит ружьё, возле него Димка крутится. Приклад с нарезной шейкой на столе лежит, на газете, а стволы у отчима в руках. Прижмурился, от них на свет проверяет, на лампочку целится.

— Сергейка приехал! — выскочила из кухни сияющая Катя и кинулась обниматься. — Тебе какого варенья к чаю? Мама говорит — вишнёвого, а я говорю — крыжовничьего...

После ужина включили телевизор. Сергей развалился на диване, ноги вытянул. Справа и слева к нему Димка с Катюшкой прилипли. Обхватил он их за плечи, а тут, откуда ни возьмись, Вакула. Прыг Сергею на живот! Потоптался, потоптался и разлёгся. Тяжёлый, как телёнок! Глаза прижмурил хры-хры-хры! А сам когтищи то выпустит, то уберёт. Достает Сергея сквозь рубашку, как шильями. Но тот терпит, ему даже нравится.

Хорошо дома! Вот только разговор предстоит неприятный да ещё время летит слишком быстро. Мать уже озабоченно поглядывает на стенные часы, потом на Катю, на Димку — им пора в постель. Сергей-то, понятно, может ещё посидеть, он взрослый...

— Спать, ребятки! Завтра наговорится, — решительно объявляет мать и берёт Катю за руку. Катя послушно соскальзывает с дивана, размахивается и бьёт своей ладошкой о протянутую Сергееву ладонь.

А Димка упёрся.

— Не хочу!

Но тут вмешался отчим:

— Как это «не хочу»? Мы ж дого-

ворились с рассветом идти на зайцев. Какой же ты будешь охотник, если заснёшь в лесу?

Мать увела младших. В комнате остались отчим и Сергей.

Помолчали. Потом отчим поднял на Сергея глаза:

— Что я хочу спросить тебя, Сережа...

«Вот оно. Начинается! — догадался Сергей. — Значит, получил всё-таки...»

— Что спросить?

— Про одну книжку. Не случалось ли тебе читать роман Паустовского «Блещающие облака»?

— Читал! — чуть вздрогнул Сергей. И как можно спокойнее прибавил: — Летом, ещё до интерната.

— А где ты её брал, ту книгу?

— На этажерке. Я решил, что можно, раз она лежит в открытую. А разве нельзя?

— Дело не в том, что нельзя. А не заметил ли ты, что в книге не хватает листка?

— Заметил! — с готовностью подхватил Сергей. — После триста семидесятой страницы. Вы про этот листок?

— Точно! Так вот этот самый листок мне кто-то прислал в письме из Приютина, если судить по почтовому штампу. Ума не приложу, кто бы это мог быть...

— Я! — дерзко выпалил Сергей. — Вложил в конверт и отослал. А что? По-вашему, лучше было сжечь? Я его возле той поляны поднял, где лося убили. Это же патронный пыж. Неужели неясно?

— Пыж! — подтвердил лесничий. — Однако другое неясно: почему ты этот пыж прислал мне?

— А то кому ж? Антону, что ли? Или прямо в милицию? Я не доносчик...

Воцарилось тяжёлое молчание. Слышно было, как медленно отбивает секунды маятник стенных часов.

Вакула, почувствовав тревогу, подошёл к двери, поднял увесистую лапу, толкнул и неслышно выскользнул в щель. Дверь осталась открытой, и никто не пошёл её затворять.

— Понятно! — вздохнул, наконец, лесничий. — Ты, значит, решил, что

я с этим пыжом пойду в милицию и заявлю: «Вот он злодей! Вяжите...» Так, что ли?

— Так! — подтвердил Сергей, словно гвоздь забил. — Уж лучше так, чем дома возьмут.

Опять помолчали. Потом по лицу лесничего словно тёплый ветерок продул. Оно подобрело, повеселело.

— Ты, брат, следопыт хоть куда! — иронически произнёс он. — Ну, а если эта книга ещё до меня побывала в других руках?

— Как в других? — не понял Сергей.

— Очень просто. Она библиотечная. Её, может, десятки людей брали, и среди них нашёлся один, который вырвал листок. Почему же ты решил, что это я?

Обалделыми глазами Сергей уставился на отчима, лицо залилось краской и запылало, как ошпаренное.

— Н-не знаю... Мне почему-то показалось... Стойте! А ведь того человека можно найти! В библиотеке же наверняка записано, кому какие книги выдавались. Верно?

— Верно! — кивнул лесничий. — Его уже нашли...

— Нашли?!

— А то как же? Твоё письмо как раз и привело напрямик к преступнику. Я ведь тот обгорелый листок в милицию отнёс. Ну, следовательно, понят-

но, в библиотеку, проверил формуляры и приказал шофёру ехать в леспромхоз к какому-то Макару Савченко. Приехали, открыли заслонку печи, а там в горшке лосятина! В сарае за дровами — тоже лосятина в мешке. И это ещё не всё. Ты, пожалуй, и не заметил, что листок из Паустовского был не весь, а только верхняя половина. Ну так вот: нижнюю тоже нашли. В патроне. Разрядили, а там эта половинка и скомкана на пороже. Чистенькая! И этот патрон, между прочим, тоже с жаканом был — особая пуля на крупного зверя. Так и взяли Макара Савченко, прямо с работы. Он в леспромхозе недавно. Года полтора, как приехал.

Сергей слушал и весь пылал. И лицо, и уши, и даже голова под волосами была горячая, как кипятки. Когда лесничий замолк, настала его очередь говорить.

И Сергея прорвало:

— Андрей Иванович! Такого второго олуха, как я, во всём свете нет — это уж точно! И как вы стерпели? Другой бы на вашем месте двинул по шее...

Лесничий приблизился к Сергею, положил ладонь ему на затылок, потряс, заглянул глубоко в глаза и сказал негромко:

— Забудем. Чего не бывает между мужчинами!

Мишка и Машка

Мишка и Машка — медведи. Только не простые медведи, а дрессированные. Каждый вечер на манеже цирка «Шапито» раздаётся марш, и, широко улыбаясь, раскинув руки, словно желая обнять всех зрителей, выходит на арену их дрессировщик — Степан Алексеевич Гришук. На нём яркий кафтан, усыпанный блёстками, широкие шаровары с карманами, полными сахара, мягкие красные сапоги. Степан Алексеевич начинает раскланиваться со зрителями и вдруг — смех, крики, аплодисменты. Степан Алексеевич с удивлением поворачивается назад — за его спиной стоят на задних лапах два медведя в русских костюмах — Мишка и Машка — и в точности повторяют его жесты. Так начинается, как говорят артисты цирка, их «работа».

Чего только не делают Мишка с Машкой! Катаются на самокатах и велосипедах, носятся на роликовых коньках, поднимаются на пирамиду из цветных кубиков, которую сами же и строят. Машка «играет» на огромной балалайке, а Мишка танцует «вприсядку». Потом Степан Алексеевич надевает на них спортивную форму и они играют в хоккей. И всё это они делают с таким удовольствием, так весело и забавно, что, кажется, смотрел бы без конца на смешных, неуклюжих и удивительно симпатичных медведей! Но номер подходит к концу, и пока Машка раскланивается, обходя на задних лапах весь манеж, а под конец даже пытается — всё-таки дама! — сделать книксен, Степан Алексеевич и Мишка исчезают за занавесом, и через минуту Мишка выезжает оттуда на мотоцикле.

Зал грохочет от аплодисментов. Мишка объезжает манеж, останавливается возле Машки. Та усаживается в коляску, и, сопровождаемые музыкой, прожекторами, криками, они делают несколько кругов на арене, разворачиваются и уезжают за кулисы. Номер окончен.

На арене акробаты ещё делают сальто, легко вспрыгивают на плечи друг другу, строят пирамиды и ходят «колесом», а Мишка и Машка уже отдыхают в клетке с толстыми железными прутьями и тяжёлыми запорами. Степан Алексеевич в маленькой артистической уборной не спеша снимает грим, укладывает в чемоданы костюмы: полосатые трусы и футболки, плисовые шаровары Мишки и цветастую Машкину юбку, защёлкивает замки и, надев самое обычное серое пальто, выходит в коридор.

Мишка с Машкой уже ждут его. Он подходит к клетке, даёт им сахар и, откинув тяжёлый запор, выпускает на волю. Они смиренно подставляют головы, Степан Алексеевич надевает на них намордники, кричит служителям, чтобы те поостереглись — всё-таки медведи идут, — и все трое выходят на улицу. Мишка с Машкой залезают в небольшой фургончик, прицепленный к старенькой «Победе». Степан Алексеевич заводит мотор, и машина, подмигнув огненным глазом, выезжает на широкий проспект.

Может быть, вы видели на улице старую, выдающую виды «Победу» с серого цвета фургончиком, похожим на игрушечный домик? Если увидите, знайте: в нём едут ваши весёлые друзья, артисты цирка — Мишка и Машка.

И знаете их не только вы, ребята-ленинградцы. Трудно, пожалуй, назвать город, в котором не бывали бы «Весёлые медведи» — так называют их на афишах. Они выступали в холодном, продутом северными ветрами Норильске и цветущем Батуми, в солнечном Ташкенте и туманном Мурманске, в Петропавловске-на-Камчатке, окружённом со всех сторон морем, и Петропавловске в Казахстане, от которого до ближайшего моря тысячи километров.

Но ежегодно приезжают они со Степаном Алексеевичем в небольшую деревушку под Ленинградом — отдыхать. Впрочем, не только отдыхать. Здесь они разучивают и отрабатывают новые номера, готовясь к следующим выступлениям. Ведь вам было бы неинтересно прийти в цирк и увидеть то, что вы видели в прошлом году, правда?

И вот каждый день в шесть часов утра мимо спешащих на поле колхозников, заспанных ребятшек с удочками, мимо скотного двора, на котором ревет испуганные телята, не спеша, солидно катятся на роликах, занимая чуть ли не всё широкое асфальтовое шоссе, «весёлые медведи» — Мишка и Машка. А рядом в синем тренировочном костюме бежит Степан Алексеевич. Это — разминка.

После купания — медведи очень любят купаться — и плотного завтрака начинается «работа». Каждый день до обеда Степан Алексеевич повторяет с медведями все трюки — иначе за время отдыха они забудут их, потеряют навык или, как говорит Степан Алексеевич, «форму».

После обеда — сон, и снова работа. Только теперь уже отрабатываются новые элементы. Почти любой трюк состоит из десятков, а иногда и сотен отдельных элементов. И каждому из них нужно научить медведя, повторять его тысячи раз, заставить не всегда таких уж послушных и весёлых, какими вы их привыкли видеть на арене, Машку и Мишку выучить и даже больше того — полюбить те новые «фокусы», которым их обучил Степан Алексеевич.

Вы, конечно, спросите: а как Степан Алексеевич придумывает эти самые «фокусы»? Откуда он знает — что сумеют медведи и чего не смогут? Что полюбят они и что может оказаться для них тяжёлым, неприятным трудом — а тогда, разумеется, и выступление их не будет таким весёлым, увлекательным, интересным?

Я с удовольствием расскажу вам об этом.

МИШКА-ВЕЛОСИПЕДИСТ

Медведь был совсем маленький. Чуть больше собачонки. Шерсть на нём свалялась и висела клочьями, глаза гноились, на животе появились плешинки. «Рахит, — определил Степан Алексеевич, — причём в жесточайшей форме».

Когда медвежонка нашли рабочие леспромхоза, он почти погибал от голода, хотя в лесу было множество ягод, грибов, в быстрых и ясных протоках между озёрами то и дело выпрыгивали, круто изогнувшись и сверкая алюминиевым или медным боком, рыбы. В заветных местах, осовев от сладких осенних ягод, лениво бродили рябчики и глухари. К огромным елям сказочными теремами прилепились, храня в себе самое большое медвежье лакомство — муравьиные яйца, — колючие крепости лесных санитаров-муравьёв. Но Мишка не умел отыскивать пищу — он только бегал, пока хватало силы, по сырому, заросшему понизу густыми маленькими ёлочками лесу, переползал через завалы трухлявых, с резким запахом гнили, деревьев, скулил, проваливался в болотины, захлебываясь ржавой водой, выбирался, с трудом вытягивая из воючей жижи ослабевшие лапы, и бежал, бежал: мама! мама!

Здоровенные, привыкшие к тяжёлой работе и тяжёлой пище лесорубы заботливо кормили его мёдом — пришлось гонять машину чуть ли не за сотню километров — и мясом. Мишка выжил, но с каждым днём хирел, шерсть перестала лосниться, несмотря на ежедневные купания, свалялась... Решили леспромхозовцы отдать медвежонка в более умелые руки.

Степан Алексеевич никогда не занимался медициной. Но за многие годы работы с животными он так научился понимать, видеть, чувствовать их существо, их «нутро», что любой врач, лечащий зверей, мог бы ему только позавидовать.

— Болен, — сказал Степан Алексеевич, едва увидев Мишку.

Потом он открыл медведю пасть и заглянул в неё. Ощупал лапы, тяжёлой, мягкой рукой прошёлся по спине — хребет заметно выпирал, натягивая нездоровую шелушащуюся кожу, едва прикрытую изрядно поредевшей шерстью.

— Плох ты, брат. Очень плох. Режим тебе надо, питание и, конечно, уколы.

А через месяц Мишка так привык к дрессировщику, что не отходил от него ни на шаг — куда бы ни шёл Степан Алексеевич, в ногах у него катился плотный тёмно-коричневый шар с блестящими глазами и чёрной, гуттаперчевой пуговкой мокрого носа.

Но Мишка был у Степана Алексеевича не один, рядом в вольере сидела трёхлетняя медведица Машка, чуть подалее три лисицы деловито сновали за крепкой стальной сеткой, полосатый барсук не спеша рыл себе нору под огромным старым пнём, дрессированные петухи и куры, голуби, собачки, белки — огромное «хозяйство», как говорил Степан Алексеевич. И каждый требовал заботы, внимания, за каждым нужен был глаз да глаз! И не просто «глаз», а глаз дрессировщика, человека, знающего все повадки зверей, все их желания, их мысли (а Степан Алексеевич был убеждён, что звери — мыслящие существа), глаз человека, не только влюбленного в зверей, но и старающегося передать свою любовь посетителям цирка — вам, ребята, потому что, конечно же, самые желанные, любопытные и благодарные зрители в цирке — это вы и ваши ровесники.

Кстати, вы обратили внимание, что у Степана Алексеевича уже жил один медведь — Машка? И, наверное, подумали: «А почему бы не поселить их вместе?» Так сначала думал и дрессировщик. Но, привыкший к осторожности, Степан Алексеевич не спешил с решениями. Он подвёл медвежонка к вольеру, где жила Машка, позвал её и стал наблюдать. Машка долго обнюхивала новичка, сопела, просунув морду сквозь толстые железные прутья, и вдруг, оскалив желтоватые клыки, заворчала. Но не дружелюбно, ласково, как ворчала она на дрессировщика, а зло, будто увидев врага, и глаза её сразу вспыхнули яркими зелёными огоньками. Машка не приняла медвежонка. Степан Алексеевич властно крикнул: «Назад!» — и быстро оттащил Мишку, — тяжёлая, когтистая лапа яростно цапнула землю. Несдобровать было бы медвежонку!

Как на беду, у Степана Алексеевича не было ни минуты свободной, чтобы заняться медвежонком, — приближалась осень, новый сезон, и вся труппа работала над программой. Особенно доставалось Машке: она осваивала роликовые коньки, и Степану Алексеевичу приходилось дважды в день — утром и вечером — выезжать с ней на широкое асфальтовое шоссе и кататься по несколько километров. Машка, к изумлению пассажиров пробегавших мимо машин, деловито раскатывала по проезжей части дороги, не желая, между прочим, уступить путь машинам, а Степан Алексеевич потихоньку ехал рядом на велосипеде.

С появлением Мишки всё заметно усложнилось: как только Степан Алексеевич исчезал за воротами, Мишка начинал скулить, подвывать, бросаться всем своим заметно окрепшим телом на стальную сетку, и однажды даже здорово поранил себе нос.

Что же делать? И Степан Алексеевич нашёл выход. Он приделал к раме своего велосипеда маленькое сиденье, и теперь они катались уже втроем: впереди — раздосадованная присутствием постороннего наблюдателя Машка, а чуть сзади — Степан Алексеевич и Мишка, крепко прихваченный широким ремнём поперёк живота, — он ещё не умел сидеть как следует.

И вот однажды (это было уже следующей весной) Степан Алексеевич с Мишкой на раме — ему, кстати, пришлось дважды уже переделывать сиденье, так быстро рос медведь — решил поехать на рыбалку.

Утро было удивительное. Над полями повис реденький весенний туман. Солнце легко пробилось через его паутину и раскинуло несколько цветастых, чистеньких радуг. Крепко пахло почками, молодыми листьями, от земли поднимался лёгкий пар.

Степан Алексеевич загляделся было на старую вербу — она вспыхнула тысячами огоньков-почек — и вдруг почувствовал, как Мишка крепко нажал на руль. Степан Алексеевич взглянул на дорогу — велосипед прокатился совсем рядышком с большущим камнем, вымытым из дороги весенним ручьём. «Неужели Мишка повернул руль?» Он чуть-чуть ослабил ладони, державшие руль, и почувствовал, как Мишка, сначала неловко, а потом всё уверенней и уверенней управляет велосипедом. Тут уж было не до рыбалки! Целое утро Степан Алексеевич и Мишка раскатывали по шоссе. И Мишка правил! Он ворчал от удовольствия, крутил мохнатой головой, мешая Степану Алексеевичу смотреть на дорогу, и крутил руль!

Конечно, это было самое начало. И, пожалуй, невозможно рассказать, сколько пришлось работать с ним, прежде чем с замиранием сердца, словно это его собственный сын покатился на велосипеде, Степан Алексеевич впервые оторвал руку от седла, на котором важно восседал Мишка. Мишка поехал сам!

А через некоторое время сонные пассажиры рейсовых автобусов, пролетавших мимо маленькой деревушки, в которой летом жил Степан Алексеевич, прилипали носами к стёклам и протирали глаза — не приснилось ли?! По широкой дороге, небрежно отталкиваясь коньками и размахивая передними лапами, как заправский конькобежец, катилась громадная медведица — Машка. А за ней, удобно устроившись на специальном — невысоком, но очень крепком — велосипеде с толстыми

шинами, ехал второй медведь — Мишка. Сбоку по тропинке (не каждый пассажир замечал его) бежал высокий плотный мужчина, одетый в синий спортивный костюм.

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА «ВАЛДАЕ»

А однажды случилось вот что.

Степан Алексеевич Гришук выступал со своими питомцами на теплоходе «Валдай».

Всё шло своим чередом. Медведи Мишка и Машка катались по свежее-выкрашенной палубе на самокатах и велосипедах, крутили, повалившись на спину, разноцветные чурбаки, перебрасывая их друг другу, — словом, всё было отлично. Моряки уже охрипли от крика и отбили свои крепкие, привыкшие к работе ладони, аплодируя замечательным артистам. Остался последний номер. Мишка и Машка убежали за ширму. Степан Алексеевич натянул на Мишку розовую рубаху-косоворотку и синие шаровары, а Машке повязал платочек и надел на неё юбку. «Русская плясовая» — так назывался номер. Степан Алексеевич дал Машке пёстро раскрашенную балалайку, сунул в пасть обоим по куску сахара и подтолкнул к выходу.

Моряки просто взревели от восторга, увидев наряженных медведей. Степан Алексеевич, не выходя из-за ширмы, заиграл на балалайке «Барыню». Машка стала притопывать ногой и бить по несуществующим струнам, а Мишка, переваливаясь и сопя от старания, пошел «вприсядку».

И вдруг с крыши каюты, перемахнув через плотную стену хохочущих моряков, прямо в середину круга прыгнула обезьяна. Это была довольно большая, серо-зелёного цвета мартышка с маленькими ушками и нахальными жёлтыми глазами.

— Яшка! — закричали матросы. — Яшка!

Поднялся такой гвалт, какой бывает только в школе, когда в окно вдруг залетит воробей.

— Яшка, пошёл прочь! — кричали одни.

— Яшка, танцуй вместе! — надрывались другие.

В общем, шум стоял неимоверный. Только Мишка и Машка — воспитанные медведи и профессиональные артисты, привыкшие к самой разной публике, — покосились на Степана Алексеевича и, увидев, что он продолжает играть, снова принялись танцевать «Барыню».

Яшка остановился возле Машки, которая притопывала ногой, косясь в сторону непрошеного гостя, быстро почесал за ухом и вдруг без всякой подготовки прыгнул ей на голову и сорвал платок. Машка заворчала, мотнула головой — лапы у неё были заняты балалайкой — и не спеша пошла за обезьяной. Та, визжа от восторга, носилась по кругу, ловко увёртываясь от протянутых к ней

матросских рук. Мишка плюхнулся на все четыре лапы и, забыв, что на нём шаровары и косоворотка, с воем помчался за обезьяной.

Матросы отпрянули назад — хоть и дрессированный медведь, а всё-таки не кошка, — ростом чуть меньше человека. Мартышка сейчас же юркнула в проход и, не переставая визжать, миглом взлетела на мачту. Медведи, уже оба, кинулись за ней. Мишка лез на мачту первым. Следом, ворча, Машка, — ей было очень неудобно лезть, мешала юбка. Обезьяна, не дожидаясь преследователей, полезла ещё выше — туда, где широкими кругами носились в воздухе огромные крылья антенны радиолокатора.

— Назад, Яшка! — кричали матросы. — Назад, убьёт!

— Мишка, Машка, ко мне! — Степан Алексеевич подбежал к мачте. — Мишка, Машка, ко мне!

Но куда там! Как самые заправские дикие медведи, они лезли по мачте за обезьянкой.

— Товарищ дрессировщик! Уберите своих зверей! — к Степану Алексеевичу подбежал радист. — Они же мне антенну поломают!

Одни хохотали, другие советовали, что делать, третьи звали — кто Мишку с Машкой, кто обезьянку; все на корабле, даже чумазые «духи» — кочегары вылезли из своей «преисподней» и стояли, задрав головы вверх.

И только, может быть, один Степан Алексеевич понял, что дело плохо — звери вышли из повиновения и это уже не менее опасно, чем встреча с медведем в лесу. Степан Алексеевич, побледнев, бросился к капитану. Тот, как и все, смотрел вверх и хохотал, придерживая рукой капитанскую фуражку с «крабом».

— Товарищ капитан! Прошу вас дать команду: всех с палубы! И необходимы два брандспойта!

Капитан, всё ещё смеясь, повернулся к Степану Алексеевичу, но, увидев его побледневшее лицо, сразу посерьёзнел и крикнул в мегафон:

— Всем с палубы! Боцман, приготовить два брандспойта!

— Полундра! — подхватил боцман. — Всем вниз!

Матросы, как горох, посыпались вниз. И только из полуоткрытых люков торчали любопытные лица.

Мишка с Машкой тем временем добрались почти до самой антенны. Ещё разок подтянуться — и не уйти обезьяне от острых медвежьих когтей.

Мартышка с интересом смотрела вниз, раскачиваясь на одной руке. И когда Мишка с рёвом занёс лапу, чтобы схватить её, она без всякого усилия перепрыгнула на трос, протянутый над палубой, с него — на другой, как по веткам в лесу, и в три прыжка оказалась прямо на капитанском мостике.

Медведи взвыли от горя и стали растерянно крутить головами: что же дальше делать?

— Мишка, Машка, ко мне! — позвал Степан Алексеевич тихо. — Идите ко мне, зверята. Сюда! Ну-ну, он похлопал себя по колену. — Ну-ну, зверята, ко мне!

Зверята, каждый по сотне килограммов весу, заворчали уже не так злобно и, неуклюже скользя, поехали по скользкой мачте вниз.

Медведи, тяжело дыша, сверкая глазами, которые от злости стали зелёными, неловко шлёпнулись на палубу. Степан Алексеевич уверенно подошёл к ним, потрепал Мишку по загривку, погладил Машку, — звери затравленно озирались, будто их окружала огромная, враждебная толпа.

— Ну, не надо сердиться, не надо, — ласково проговорил Степан Алексеевич, давая им сахар. — Это плохая обезьяна. Плохая. А вы у меня умницы. Молодцы. Хорошо лазали на мачту.

Выступление да и настроение, конечно, были вконец испорчены. Одна только обезьяна, как заводная, крутилась на рее, размахивая украденным платком, визжала и даже показала кукиш погрозившему ей кулаком боцману.

Когда медведей погрузили в машину, капитан подошёл к дрессировщику:

— Вы уж извините, что так произошло, Степан Алексеевич. Мы Яшку, — он кивнул в сторону обезьяны, которая крутилась уже у него на мостике, — из Индии везём. Ребятишки-индусы нам его подарили. И весь рейс — одни мучения. Вор он ужасный, безобразник, глаз с него спустить нельзя: то кран пожарный открутит, то гудок даст, а на днях у штурмана готовальню со всеми инструментами украл — до сих пор найти не можем. Хоть бы вы забрали его. Прямо сил нет — всю команду извёл: никакой дисциплины.

Степан Алексеевич, прищурившись, посмотрел на мостик. На высоком белом барьере сидела серо-зелёная мартышка и натягивала себе на голову капитанскую фуражку с «крабом».

— Фуражка! — закричал капитан и бросился на мостик.

Это, наверное, и решило Яшкину судьбу. Через пятнадцать минут, пойманный крепкой капроновой сеткой, он уже барахтался в твёрдых, как клещи, руках боцмана.

— Не уйдёшь, мартышка ты зелёная!

А ещё через несколько минут связанный Яшка, грустно моргая своими кошачьими глазами, лежал на сидении автомашины рядом со Степаном Алексеевичем. Он и не подозревал, что с этого времени началась для него новая жизнь...

Рис. Г. Ясинского

Рис. В. Адаева

Одни птицы страдают от зимы, от холодов, от бескормицы, а у других вся жизнь проходит летом, они никогда не ведали морозов. Правда, достаётся им это недёшево. Едва только начинаются утренники, они сбиваются в стаи и летят в дальние края навстречу теплу.

Несчётное множество птиц дважды в году поднимается в далёкий путь. Весной — на север, осенью — на юг. Многие летят через Крым. Здесь они последний раз ночуют перед прыжком через Чёрное море.

Без малого триста километров предстоит преодолеть им одним махом и ни разу не отдохнуть в пути. Где отдыхать? Негде! Внизу вода. Ласточка или, скажем, перепёлка на море не сядут.

Осенью птички стаи покидают Крым, а весной к нему стремятся. И опять совершают этот прыжок через море. Измождённые, уставшие, добиваются они до наших берегов. А здесь, как на беду, всё нередко бывает в эту пору закрыто облаками, густым весенним туманом...

Ничего не видно. Куда садиться? Внизу обрывистые ущелья, опасные скалы, густые леса... И летают гуси-лебеди до самого утра от Медведь-горы до горы Кошки — вдоль всего побережья. Летают и тревожно перекликаются, чтобы кто-нибудь не отбил от стаи, не заблудился в темноте и тумане.

...Как-то весной отправился я с рыбаками в море. День был хороший, солнечный. Правда, с берега настойчиво дул свежий ветер, но рыбакам он не помеха. Им приходилось испытывать в море и настоящие штормы. А в тот день волны были несильными.

Мы искали косяки ставриды, которые весной приходят к нашим берегам.

Нам посчастливилось. Только один раз бросали рыбаки сеть в море, но взяли за этот единственный раз почти двадцать тонн рыбы. Было это уже после обеда.

Больше трёх часов выбирали сеть с уловом. Натужно работали неводовыборочная машина и лебёдка, каждый из рыбаков едва успевал поворачиваться — забот хватало всем.

Свежел ветер. К ночи грозил

разыгаться шторм, и мы तो-ропились. Нужно было ещё сдать добычу на судно-холодильник и убежать от непогоды в родной порт, а до него было миль тридцать.

Со всеми делами управились под вечер, когда солнце уже покраснело, набухло и стало клониться к горизонту. Судно быстро шло по курсу, как вдруг капитан-бригадир Иван Анисимов крикнул с ходового мостика:

— Ребята, смотрите!..

Почти над самыми волнами летела стая птиц. Мы думали, они догонят нас и полетят дальше. Но не тут-то было. Поравнявшись с сейнером, птицы все разом — будто град прошёл — упали на палубу. Мы оторопели. Никогда раньше я такого не видел.

Стая птиц покрыла всё судно. Некоторые из них лежали на брезенте, наброшенном на сеть, другие — на мостике, на

палубе, несколько залетело в ходовую рубку, дверь которой была открыта, а одна упала прямо на стол, за которым играли в домино ребята.

Сколько птиц было — не знаю. Сто пятьдесят, а может быть, двести. Птица шлёпнулась на палубу прямо у моих ног и теперь лежала неподвижно, словно неживая. Однако когда я поднял её, то почувствовал: сердце у птахи бьётся часто-часто. Только глаза закрыты.

— Откуда они? — спросил я, ничего не понимая.

Один из старых рыбаков объяснил:

— Из тёплых краёв летят. В пути через море обессилели: ветер-то встречный...

— А если бы мы им не встретились?

Роман Петрович — так звали старого рыбака — пожал плечами. И верно, мало ли

птиц гибнет во время перелёта...

Но какая суета поднялась на нашем сейнере! Все бросились подбирать птиц, укладывать получше, чтобы не раздавить какую-нибудь случайно.

Кто-то заикнулся было: вот, мол, жаркое приготовим на ужин! Но на него так цыкнули, что он и думать об ужине забыл.

Кок достал несколько горстей пшена, собрал хлебные крошки, рассыпал их возле птиц, но те совершенно обессили и к еде не притронулись. Почти все они были неподвижны, и только некоторые ползком старались выбраться из общей кучи, найти местечко поукромней. Мы им не мешали.

А сейнер весело и быстро бежал к родному берегу. О корабле иногда говорят: «Кланяется волнам». Нет, наш маленький смелый корабль никому не кланялся. Он, будто молодой бычок, увидев волну, наклонял голову и с разбегу норовил забодать её. Ничего у него из этого, конечно, не получалось, волна, как ни в чем не бывало, катилась дальше. Но и сейнер, отряхнувшись, привстав на дыбы, ещё веселее продолжал свой путь.

Роман Петрович ещё раз глянул на птиц и сказал:

— Вот что, ребята. Не трогайте, не беспокойте их. Пусть отдохнут, прокатятся на по-

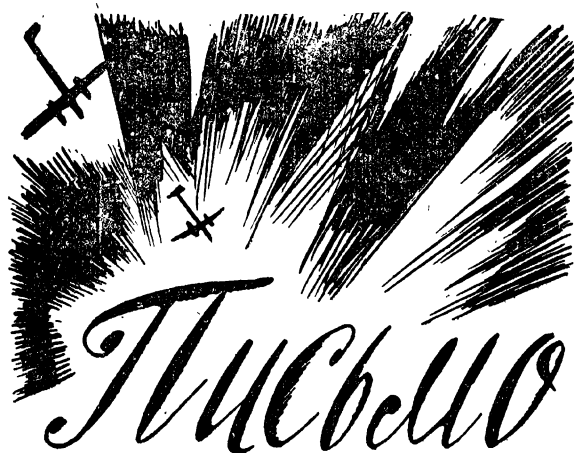
путной машине: нам-то ведь но дороге.

Так прошёл ещё час или полтора. А дальше было вот что. Мы находились милях в десяти от берега, когда пернатые снова начали подавать признаки жизни, зашевелились. Кое-кто из них робко потянулся к рассыпанной на палубе и размётанной качкой и ветром еде.

Наступил тот предвечерний час, когда солнце уже село, спряталось за линию горизонта, но вокруг светло, и долго ещё будет светло. Именно в этот час на всём морском побережье — на севере и юге, на западе и востоке — одновременно вспыхивают маяки. Минуту, секунду назад, когда солнце, наработавшись за день, последний раз смотрело на мир, маяки, как ночные птицы, ещё спали, а сейчас все вдруг ожили, замигали зелёными, красными, жёлтыми, пронзительными белыми глазами.

И в это самое мгновение, словно по команде, хотя никакой команды, конечно, не было, вся стая взмыла с нашего судна в воздух.

Я вместе с вахтенным находился в ходовой рубке. Между нами отчаянно метнулась до этого неподвижно лежавшая сзади на картах птица, с размаху ударилась о стекло... Я поторопился открыть дверь рубки, и птаха вырвалась на волю.

Тысёцо

Мы бродили
леса
ленинградской земли, —
землянику искали
а землянку

нашли.
Над поверхностью ровной
невысоким бугром
понакатаны брёвна,
а под брёвнами — ров.
В темноту опускаясь
по песку под уклон,
мы в песке отыскали
небольшой медальон.
В нем — записка солдата.
Желтоватый листок.
Без фамилий и даты —

людям несколько строк:
«Я последним остался.
Заперт.
Выхода нет.
Но фашистам не сдамся.
Вам, живые, привет!»
Мало слов в медальоне,
но весом медальон.
Как в глубоком поклоне,
шли мы наверх внаклон.
Тени листьев колышут
жёлтый солнечный свет.
Мы шагаем —

и слышим:

«Вам,
живые,
привет!»

Флот всего мира

КОРАБЛИ РЕВОЛЮЦИИ

Наше плавание продолжается. Ведь бухта-то, по которой мы плывём, гигантская! Вдоль нескончаемой ленты причалов выстроились суда всех времён и народов. Уже издали замечаем военный корабль, чьи четыре трубы прорисовываются на фоне голубого неба. Четыре трубы — значит, большой корабль. На одной из мачт его, словно язычок багрового пламени, полочется на ветру красный флаг. На борту — знакомое имя: «Князь Потёмкин Таврический». Но обычно называли его короче: броненосец «Потёмкин».

Тридцать один год назад наш народ отмечал 25-летие первой русской революции 1905 года. Советская почта выпустила тогда марку с изображением героического корабля.

Среди команды «Потёмкина» было немало революционно настроенных матросов. Ведь, пожалуй, нигде в царской России так не измывались над нижними чинами, как на флоте. Зверским обращением с матросами на всём Черном море отличались командир и большинство офицеров «Потёмкина». Чаша терпения команды переполнилась, когда матросам выдали обед, приготовленный из червивого мяса. Команда отказалась принимать пищу.

Матросы быстро разобрали винтовки. Началась перестрелка, во время которой были убиты командир броненосца, его помощник, несколько офицеров. Остальных офицеров арестовали и заперли в каютах. Но погиб один из организаторов восстания матрос Вакулечук. В самом начале перестрелки он был тяжело ранен, и спасти его не удалось.

«Потёмкин» направился в Одессу, где на берегу его приветствовали многие тысячи трудящихся. Никакие уговоры не могли заставить команду броненосца сдаться.

Наоборот, свою решимость бороться до конца потёмкинцы продемонстрировали тем, что выпустили несколько снарядов по местам где скопились полиция и царские войска.

Угрозы следовали за угрозами, но востановившая команда оставалась неустрашимой. Вскоре матросам пришлось столкнуться с большими трудностями.

На исходе были топливо и продовольствие. В Одессе их добыть не удалось. И судовой комитет решил вести броненосец в румынский порт Констанцу, чтобы, вернувшись, продолжать революционную борьбу.

О том, что «Потёмкин» ушёл в Констанцу, сразу стало известно царскому правительству. Оно обратилось с просьбой к румынскому правительству — не давать броненосцу топлива и продовольствия. Так в Констанце потёмкинцам ничего и не дали. Попытались пополнить запасы в Феодосийском порту, но и здесь ничего не получили.

Вот в таком безвыходном положении решено было снова идти к берегам Румынии, сдать корабль, а самим, чтобы избежать расправы, остаться на чужой земле.

Героическое восстание «Потёмкина» показало, что зреют революционные силы в царской армии и флоте и недалеко время, когда они сольются в единую борьбу всех трудящихся против царя и капиталистов.

А вот этот трёхтрубный крейсер — знаменитая «Аврора». Историю этого славного балтийского корабля я пересказывать не стану. Она вам хорошо известна. Но о марках, на которых изображена «Аврора», несколько слов скажу.

Нет ни одного корабля в мире, в честь которого было бы выпущено столь большое количество почтовых миниатюр. Их несколько десятков. И издавались они не только в Советском Союзе, но и почтовыми ведомствами зарубежных государств.

ВРАГУ НЕ СДАЕТСЯ

НАШ ГОРДЫЙ «ВАРЯГ»...

В 1958 году в обращение поступила советская марка, на которой был воспроизведён портрет В. Ф. Руднева, командира знаменитого крейсера «Варяг». Под портретом художник изобразил и сам крейсер.

В конце 1903 года «Варяг» и канонерская лодка «Кореец» прибыли в корейский порт Чемульпо, где в это время находились английский, французский, итальянский крейсера и американское военное судно. Здесь командиру «Варяга» сообщили, что началась война между Россией и Японией. А вскоре Рудневу вручили ультиматум от командира японской эскадры, подстерегавшей наши корабли: «До полудня вы должны уйти из порта Чемульпо, в противном случае мы атакуем вас здесь же».

Командиры иностранных кораблей в свою очередь заявили Рудневу, что если он не уйдёт из Чемульпо, тогда уйдут они, чтобы обезопасить себя от огня японцев. Руднев решил идти на прорыв. Перед выходом из гавани он обратился к команде «Варяга»:

— Безусловно, мы идём на прорыв и вступим в бой с эскадрой, как бы она сильна ни была. Никаких вопросов о сдаче не может быть — мы не сдадим ни кораблей, ни самих себя и будем сражаться до последней возможности и до последней капли крови...

Показалась японская эскадра. Шесть крейсеров и восемь миноносцев построились полукругом, перекрывая выход «Варягу» в открытое море. На главном японском корабле был поднят сигнал, предлагавший русским сдаться без боя.

Руднев ничем не ответил на сигнал японского адмирала. Начался беспримерный неравный бой одного русского крейсера и маленькой канлодки против четырнадцати крупных кораблей противника. Артиллеристы «Варяга» не обращали внимания на то, что вокруг рвались десятки тяжёлых снарядов. Они вели прицельный огонь. Повреждён был лучший броненосец японского флота «Асама», который поспешил выйти из боя. Вспыхнули пожары на других вражеских кораблях.

Неожиданно от японской эскадры отделились два миноносца, чтобы атаковать «Варяга». Они были встречены точным огнём нашего крейсера. Один из миноносцев сразу же пошёл ко дну, другой поспешил уйти.

Но силы были неравны. На «Варяге» переделали ряды команды. Ранен и сам Руднев. Крейсер получил несколько пробоин. Часть орудий выведена из строя. Коман-

дир «Варяга» решил возвратиться в Чемульпо, чтобы подремонтироваться и снова идти на прорыв.

Но японцы подошли вплотную к порту, времени на ремонт не осталось. И тогда Руднев обратился к иностранным кораблям с просьбой принять на борт русских моряков. Один за другим покидали матросы родной крейсер. На борту его оставались лишь трюмные специалисты. По приказу командира они открыли кингстоны. Вода хлынула в трюмы крейсера, и на глазах нескольких тысяч моряков, стоявших на борту иностранных кораблей, на глазах плакавших русских матросов «Варяг» медленно пошёл ко дну. «Кореец» же был взорван.

На флоте существует обычай: когда знаменитый корабль заканчивает свою службу или погибает в бою, новому вступившему в строй судну присваивается его имя. Так и теперь в строю Военно-Морского Флота СССР плавает другой «Варяг» — первоклассный ракетный крейсер, который также изображён на одной из марок, изданных нашей почтой.

ФЛАГМАН БАЛТИЙСКОГО ФЛОТА

Когда в прошлом году Министерство связи СССР выпустило серию марок с изображением боевых кораблей нашего Военно-Морского Флота, ко мне обратился один коллекционер:

— По-моему, допущена ошибка, — сказал филателист. — Посмотрите вот на эту марку: на ней художник воспроизвёл «Октябрьскую революцию». Всем известен этот старый линкор балтийского флота. А здесь в подписи мы читаем, что это не линкор, а крейсер «Октябрьская революция». Это же ошибка...

Нет, подпись совершенно правильная. В своё время на Балтике плавал линкор «Октябрьская революция». И имя старого линкора теперь передано вступившему в строй новому первоклассному крейсеру.

Никогда не забудется славная история старой «Октябрины» — так ласково называли моряки знаменитый линкор, долго бывший флагманом — головным кораблём — Краснознамённого Балтийского флота. Он вступил в строй ещё до революции и назывался тогда «Гангут». Уже в то время гангутцы были известны своими революционными настроениями. Осенью 1915 года на линкоре вспыхнуло восстание матросов. Сотни гангутцев два года спустя участвовали в Великой Октябрьской социалистической революции. Их можно было встретить на всех фронтах гражданской войны. Одним из первых кораблей Балтики линкор возродили к жизни после гражданской войны. И тогда на борту его появилось гордое имя — «Октябрьская революция».

В годы ленинградской блокады «Октябрина» стояла на Неве. Линкор с его могучей артиллерией, с орудиями главного калибра прикрывал осаждённый город. Десятки фашистских самолётов не раз пытались потопить ненавистный им корабль. Непрерывно охотились за ним ещё до того, как он отдал якоря на Неве. Гитлеровское командование посылало на бомбёжку линкора своих самых опытных асов. Асы не возвращались, а линкор продолжал действовать. Его орудия подавляли огонь фашистских батарей, стрелявших по городу. Огонь «Октябрины» помогал войскам Ленинградского фронта при прорыве и снятии блокады.

Много славных дел совершили моряки с «Октябрины», но особенно памятен подвиг старшины Ивана Томбасова. В середине апреля 1943 года во время ужина команды фашисты начали обстрел корабля. Один снаряд попал в фальшборт, осколок прожёл брезент, где находился боезапас. Загорелись палуба и краска. Начали накаляться снаряды...

А команда внизу. Лишь один старшина Томбасов нёс вахту наверху. Он видит, что огонь разгорается и угрожает погребам со снарядами и взрывчаткой. И Томбасов бросается к накалившимся снарядам, один за другим сбрасывает их в воду. Вот уже бегут поднятые по тревоге товарищи, Томбасов подхватывает последний снаряд... Раздался взрыв — и старшина замертво упал на волниорез.

Посмертно он был награждён. Орудие, которым командовал Томбасов, было присвоено его имя.

За подвиги в Великую Отечественную линкор «Октябрьская революция» был награждён орденом Красного Знамени.

ЛИЛИПУТЫ И ВЕЛИКАН

Пять лет назад, в конце 1965 года, Министерство связи выпустило две необычные марки. Они выглядели, как одна марка. На обеих был изображён суровый полярный пейзаж в одном и том же месте Арктики — проливе Вилькицкого. На обеих почтовых знаках этот пейзаж сливался воедино, лишь тонкая линия перфорации (зубчики) разделяла его. В филателии соединённые таким образом марки называются «сцепкой».

На марках видны ледоколы: на левой — «Таймыр» и «Вайгач», а на правой — знаменитый полярный богатырь атомоход «Ленин». События, которые запечатлены художником, разделены временем, продолжительностью в полвека. На левой марке подпись гласит: «50-летие прохождения Северного морского пути ледоколами „Таймыр“ и „Вайгач“».

По сравнению с великаном атомоходом «Ленин» эти два ледокола выглядят лилипутами. Между тем экспедиция полярника Б. Вилькицкого на борту этих кораблей подтвердила в 1915 году, что сквозное плавание вдоль северных берегов нашей Родины возможно. В отличие от других экспедиций, «Таймыр» и «Вайгач» прошли по Северному морскому пути с запада на восток.

Это было исключительное по своим трудностям плавание. Особенно досталось нашим морякам в проливе, которому позже присвоили имя начальника экспедиции Бориса Вилькицкого. Маленькие ледоколы оказались буквально на краю гибели. Они вынуждены были зимовать в Арктике. Ведь тогда не было подходящих самолётов, чтобы оказать помощь терпящим бедствие. И всё же в конце концов экспедиция вырвалась из арктических теней, и корабли вышли на просторы Баренцева моря.

«Таймыр» уже вторично изображён на советских марках. В первый раз это произошло в 1938 году. В Центральной Арктике дрейфовала на льдине четверка героев-полярников: Папанин, Кренкель, Ширшов и Фёдоров. Отважные исследователи высадились в мае 1937 года на Северном

полюсе. В невероятно трудных условиях они вели научную работу. Льдину вынесло на юг, в Гренландское море, и при скалти раскрошило на мелкие куски. Папанинцы оказались на малюсеньком ледовом «пятачке». Из Мурманска к папанинцам отправился старичок «Таймыр». Одним из первых добрался он до льдины с четырьмя героями. Одновременно подошёл сюда и другой корабль — «Мурман». Весь народ, все наши друзья восхищались этим трудным походом, который завершился в конце концов снятием с льдины четверки героев.

Теперь расскажем о самом могучем ледоколе мира, построенном ленинградскими судостроителями, — атомоходе «Ленин». Его многократно изображали не только на советских, но и на зарубежных почтовых марках. На «сцёпке» художник показал ледового богатыря в том же проливе Вилькицкого, где так долго мучились «Таймыр» и «Вайгач». Этому великану с его сверхсильными машинами ничего не стоило рассечь и раздвинуть осколки трёхметровой ледяной брони, сковавшей пролив.

Любой другой ледокол, как бы силен он ни был, по истечении одного или двух месяцев вынужден заходить в ближайший порт, чтобы пополнить запасы топлива. Нет таких забот у ледокола «Ленин». Ему не нужны ни ветер, ни уголь, ни нефть. Он движется с помощью атомной энергии, и запасов её у него хватает больше чем на год. Он может забираться в самые высокие широты, не боясь, что застрянет во льдах из-за отсутствия топлива.

Флагман советского ледокольного флота, он несёт службу в Арктике, помогая не кораблям-одиночкам, как это было раньше, а большим караванам судов свободно проходить по Северному морскому пути.

В ВЕЧНОЙ ТЕМНОТЕ ОКЕАНА

Когда в 1955 году отмечалось пятидесятилетие со дня смерти замечательного романиста Жюль Верна, подарившего нам столько интересных книг, почта княжества Монако выпустила красочную серию марок, посвящённых писателю. На одной из них, в центре в овале, — портрет писателя. А по бокам — герои его произведения. Капитан Немо с борта «Наутилуса» обозревает таинственный подводный мир. Нас восхищал этот изумительный корабль, который помногу дней подряд мог не подниматься на поверхность.

«Наутилус» в действительности не существовал. Он создан фантазией писателя. Но он будил мысль. Люди верили: придёт время и фантазия станет действительностью. Фантастический «Наутилус» превратился сегодня в реальность.

Перед нами на советской марке, изданной в прошлом году, изображена атомная подводная лодка «Ленинский комсомолец».

Но почему же её длинное стальное тело, напоминающее какую-то диковинную гигантскую рыбу, окружено льдами! Куда ни посмотришь — вокруг бескрайние ледяные поля. Секрета в этом нет. На марке запечатлён момент, когда «Ленинский комсомолец», проплыв тысячи миль подо льдами, всплыл на макушке нашей планеты, на Северном полюсе.

Не фантазия ли это! Подводная лодка на полюсе! Нет, не фантазия. Не так давно группа советских подводных кораблей совершила кругосветное плавание находясь всё время в подводном состоянии. Полтора месяца люди не видели ни земли, ни неба, ни солнца.

Специальные установки обеспечивали экипаж воздухом для дыхания. Время от времени перископы еле заметно поднимались над водой, и штурманы по звёздам определяли своё место на морских просторах Земли. 45 дней под водой! Но и здесь люди с помощью радио знали обо всём, что творится дома, в родном порту, в родном городе. В часы отдыха они смотрели кино, устраивали концерты самодеятельности.

ПЛАВУЧИЕ ГОРОДА

А теперь направимся к стоянке лайнеров. Издали, переливаясь многими тысячами электрических огней, они кажутся огромными многоэтажными дворцами, выросшими на поверхности моря. На ином таком судне одновременно находится около двух тысяч пассажиров. Добавим к этому его команду, насчитывающую семьсот—восемьсот моряков. Почти три тысячи человек на борту одного лишь корабля! Чем не плавучий город?

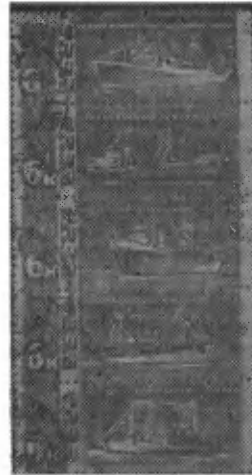

Каждая страна, обладающая товаро-пассажирским флотом, гордится каким-либо своим самым большим, самым быстроходным кораблём. Изображение такого судна часто появляется на обложках красочных журналов, а также на марках. Таким кораблём был знаменитый французский лайнер «Нормандия», оставшийся только на марках. Корабль погиб от пожара... Но и по сей день говорят об удобствах плававшие на нём, и о том, как, пересекая Атлантику, он обгонял лучших морских скоростных судов мира.

Плавают по океанам и советские лайнеры. Пять лет назад, в апреле 1966 года, из ленинградского порта вышел в своё первое плавание красавец лайнер «Александр Пушкин». Он и сегодня несёт свою службу на регулярной морской линии между Ленинградом и канадским портом Монреалем. Министерство связи СССР выпустило две почтовые марки, посвящённые «Александру Пушкину». Одну из них вы видите на этой странице.

Наш ленинградский лайнер имеет облегчённый корпус. Для «Александра Пушкина» использовали не сталь, а листы из алюмомагниевого сплава. Внутренние помещения также отделаны более лёгкими материалами — пластмассой, плёнкой. За счёт уменьшения веса корабля удалось значительно увеличить его вместимость.

На «Александре Пушкине» создано очень много удобств для пассажиров. Девять его палуб, как дом в девять этажей. Несколько лифтов поднимают и опускают пассажиров на любую палубу: в кинозал, в музыкальный салон, на спортивные площадки, даже в бассейн, наполненный морской водой.

РАБОТНИКИ МОРЯ

Вот и последний причал... Нам остаётся осмотреть промысловые и грузовые суда. Это корабли-труженики. Четыре года назад в окошках почтовых отделений начали продавать оригинальную «сцепку». В отличие от других «сцепок», почтовые миниатюры на ней были расположены не горизонтально, а вертикально. Она была посвящена рыболовному флоту нашей страны.

На самой верхней марке изображён большой морозильный рыболовный траулер. Месяц, а часто и два проводит такой корабль среди океана. Промысловая разведка даёт знать, где обнаружено большое скопление рыбы, и траулер направляется туда.

Когда трюмы корабля заполнены до отказа, он не идёт в порт, а сдаёт добычу здесь же, в море, и продолжает лов.

На второй марке вы видите транспортный рефрижератор. Он рыбу не ловит, а принимает её непосредственно на промысле от траулеров. Тут рыба частично разделывается, замораживается, солится, часть её перерабатывается в консервы. Рефрижератор и доставляет в порт богатые дары моря.

На следующей миниатюре мы видим целый плавучий завод. От кораблей-крабоволовов он принимает улов и превращает его в сотни тысяч банок консервов. На берегу он сдаёт свою продукцию, упакованную в ящики. Зачастую к возвращению такого плавучего завода в порт к причалу подгоняют железнодорожный состав. Ящики с крабовыми консервами поднимают из трюмов, грузят в вагоны и доставляют в города, лежащие далеко от морских берегов.

Вот ещё один океанский промысловый гигант — китобойная база «Советская

Украина». Её изобразили на марке одной из антарктических серий. На переднем плане большущий кит, за которым охотится небольшой, но быстроходный и юркий кораблик — китобоец. Вот он приблизился к огромному животному. У гарпунной пушки наготове меткий охотник-гарпунёр. Первым же выстрелом он поражает кита. Вдали на фоне белоснежного айсберга находится и сама база. Сюда надо доставить добычу. Но китобойцу некогда. Перед ним ещё целая стая китов. Тогда убитое животное наполняют сжатым воздухом, и оно остаётся на поверхности океана словно гигантский поплавок. Так они покачиваются, эти поплавки, до тех пор пока охота не окончится. Тогда их отбуксируют к базе, где поднимут на борт, разделают, за-

полнят трюмы бочками китового жира, мясом и другими полезными продуктами.

Для перевозки грузов существуют всевозможные корабли. Угольщики возят только уголь, танкеры — нефть и другие горючие материалы, лесовозы — строительное дерево. Есть суда для перевозки сыпучих материалов — руды, зерна...

Наше путешествие заканчивается. Но вы, юные филателисты, можете продолжать его ещё долго. Марок с изображением кораблей очень много. Такие миниатюры ежегодно выпускают в разных странах. Перед вами увлекательнейшая задача — с помощью газет, журналов, энциклопедий, других справочников, которые вы можете получить в библиотеке, узнать новое о корабле, приплывшем в вашу коллекцию.

Годы и дела пионерские

(К фотографиям на 2-й и 3-й страницах обложки)

ТО, О ЧЁМ мечтали поколения революционеров, за что бесстрашно боролись под руководством великого Ленина русские марксисты, свершилось в октябре 1917 года. В кровопролитных схватках народ-труженик завоевал власть, а вместе с нею — свободу и счастье для себя, для своих детей.

Страна была разорена войной. Не хватало одежды, обуви, продовольствия. Но велика была решимость рабочих, крестьян, передовой интеллигенции сокрушить все преграды и неуклонно идти к новой жизни по пути, начертанному партией великого Ленина.

И уже тогда городская и деревенская детвора поняла, что желанная новь не придёт сама, что родители, старшие братья и сёстры каждый день и час должны завоевывать её в тяжёлом труде. А вместе со старшими должны приложить свои молодые силы и они, дети победившей революции, чтобы приблизить радостную новь.

Ещё не было в стране ни одного пионерского отряда, а пионеры уже были. По их убеждениям, по делам. Перед вами фотография десятилетнего мальчика в чёрном пальто и светлой кепке. Он жил в те пламенные годы и, как все тогдашние дети, стремился внести свой посильный вклад в дело революции. Это юный артист-агитатор Котля Мгебров. Вместе с родителями он выступал в спектаклях Революционного Героического театра Петрограда, нёс солдатам и матросам слова ленинской правды.

Первые пионерские отряды, или базы, как они тогда назывались, возникли на заводах и фабриках. Это и понятно: мальчишки и девчонки часто наведывались к отцам и матерям на работу, были всегда в курсе их дел и потому могли пригодиться на заводе — убрать двор, помочь разгрузить прибывшие вагоны, выступить в цехе с нехитрым концертом или почитать газету малограмотным рабочим.

Пионерской формы тогда ещё не было. У одного картуз, у другого ушанка, у третьего телогрейка или пиджак с отцовского плеча. Но красный галстук был у каждого пионера — предмет гордости и острой зависти для ребят, не вступивших ещё в пионеры.

Взгляните на старые снимки. Пусть одежда на ребятах не первой новизны и не последней моды, зато какие счастливые лица! Вот лихой горнист из отряда Смольного поднял сверкающий горн. Согласитесь, что ему завидуют не только друзья и сверстники, но и мы немножко завидуем такому редкому счастью.

В жаркие дни лета, когда наступали каникулы, шефы на последние средства вывозили пионеров за город, чтобы набрались сил, накопили здоровья. И хоть лагеря были не такие, как сейчас, служили они ребятам верой и правдой. Хороша каша из походной солдатской кухни, хорош и парусиновый дом!

А вот и газета «Ленинские искры». Это уж совсем неслыханно: своя пионерская газета!

Год от года крепла и богатела страна. Год от года росла славная пионерская организация имени Владимира Ильича Ленина и принимала на себя новые дела и обязанности. О беспризорниках, о том, как пионеры когда-то обучали неграмотных, выступали против религиозных предрассудков теперь уже узнают из книг. Забыты были и хлебные карточки, и сапоги с отцовской ноги. В каждую семью пришёл полный достаток.

И разом всё изменилось. Война! Отцы и старшие братья на фронте. А младшие?

Пока одни изучают географию по картам военного времени, другие уже дорвались до оружия, третьи встали заслоном против пожаров на крышах города, четвёртые позаботились об обессилевших от голода людях. А сколько мальчишек и девчонок в те годы встало к станкам взамен старших!

МЕЖДУНАРОДНЫЙ САЛОН... ИГРУШЕК!

Из многих стран мира в Париж съехались специалисты по производству игрушек. Их задача помочь дедам-морозам разных стран в заполнении волшебного мешка с новогодними подарками заблаговременно.

В большом выста-

вочном зале у Версальских ворот состоялся международный салон игрушки. В нём представлена продукция многих стран мира. Детям вход в этот салон строго запрещён. Иначе деда-морозы не сумеют их ничем удивить.

ПТИЦА- АЛЬПИНИСТ

Самые высокогорные птицы — жемчужные вьюрки. Они селятся и выводят своё потомство в горах на пятидесячмето в ой высоте — у лиции вечных снегов. Впервые на территории нашей страны гнёзда птица-альпинистов обнаружил ленинградский орнитолог Потапов.

— Сделать это было непросто, — рассказывает учёный. — Мои поиски продолжались четыре летних сезо-

на. Первое из четырёх гнёзд, в котором были птенцы, я выследил лишь на третий год на Памире.

Вьюрок чрезвычайно интересная птица. Певец он неважный, но прекрасный летун. Его скорость в пикирующем полёте около 100 километров в час. Это наиболее многочисленная высокогорная птица, населяющая заоблачные хребты Центральной и Средней Азии.

НАХОДКЕ... 30 МИЛЛИОНОВ ЛЕТ!

Метростроители в Харькове, как обычно, прокладывали под городом туннель для будущего метро. Неожиданно в куске отвалившейся породы блеснул какой-то предмет. Аккуратно подняли глыбу и... ахнули. Перед проходчиками лежала прекрасно сохранившаяся большая рыба. Даже чешуя на ней блестела.

Удивительную находку передали музею естествознания Харьковского государственного университета. Заведующая сектором минералогии музея сказала, что найденная рыба морская и пролежала она «законсервированной» в земле тридцать миллионов лет.

ЛЕТНИЕ ГРОЗЫ

Климатологи подсчитали, что на нашей планете бушует каждый год 16 миллионов гроз. Это означает, что суточная «норма» составляет 44 тысячи гроз, а каждую секунду в земной шар вонзают свои «жала» 100 молний!

★
 ...нотопечатание в России «моложе» книгопечатания на целый век? Первая книга была напечатана в Москве в 1564 году, а первые опыты нотопечатания относятся к 1652 году. В нашем городе первые ноты были напечатаны в типографии Академии наук в 1730 году. Любопытно, что выпуск нот занимались в ту пору не только типографии, но и музыкальные магазины.

★
 ... в Югославии есть многонациональное село? Это — Черевич, расположенный недалеко от города Нови-Сад. В нём живут представители 27 национальностей. Больше всего в Черевиче сербов, хорватов, словенцев, македонцев, черногорцев. Есть также греки, турки, румыны, венгры, чехи, словаки и немцы. Все они сохранили свою самобытность и строго соблюдают свои национальные традиции и обычаи.

★
 ...польское радио в Варшаве располагает одной из крупнейших фонотек шумовых эффектов? В каталоге, насчитывающем свыше 20 разделов, зарегистрировано 13 тысяч шумов. Здесь можно найти всё, что трещит, звенит, шелестит, шуршит, — то есть всё, что звучит.

★
 ...нефть можно получать из... мусора? Ученые в США создали экспериментальную установку для переработки городского мусора и бумажных отходов в сырую нефть. Если проводимые опыты будут успешными, то из каждой тонны мусора можно получить более 160 литров нефти.

★
 ...на земном шаре встречается до 80 видов рябины, из них 34 произрастают в пределах нашей страны? Среди рябин бывают деревья, достигающие 30 метров высоты, есть стелющиеся, есть планучие рябины.

★
 ...в нашем городе 65 рек, рукавов и каналов, общая длина которых достигает 165 километров? Наиболее значительные из них (после Невы) — Большая и Малая Нева, Большая, Средняя и Малая Невки, Фонтанка и Мойка.

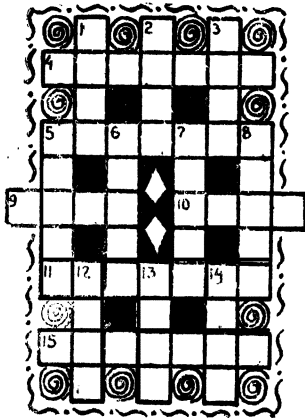
★
 ...скелет огромного носорога (листозуба), обитавшего на территории Восточной Европы около полумиллиона лет назад, найден в песчаном карьере в районе Зеленокумска, на Ставропольщине? Высота носорога достигает двух метров, а длина — более трёх. Находка полного скелета но-

сорога представляет исключительную научную ценность. Подобного ископаемого животного нет ни в одном из музеев мира. После реставрации уникальный экспонат будет отправлен в Ставропольский краеведческий музей.

★
 ...в Туркмении, на тёплых берегах Каспия, зимует около двух миллионов водоплавающих птиц? Этот подсчёт сделали учёные при помощи авиации. Выяснилось, что в эти тёплые квартиры прилетает примерно четверть часть всех водоплавающих птиц, зимующих на юге нашей родины, в том числе большие стаи лебедей и около 10 тысяч розовых фламинго.

★
 ...пещеры служили убежищем человеку 30—60 тысячелетий назад? Об этом свидетельствуют работы учёных Грузии. Недалеко от Кутаиси есть Окрибооргветский хребет. Его пронизывает естественный туннель. Спелеологи установили, что необычный туннель является одной из галерей целого «городка» карстовых пещер. Они размещались в горе одиннадцатью ярусами. Общая высота ярусов достигает 70 метров. Это чрезвычайно редкое явление.

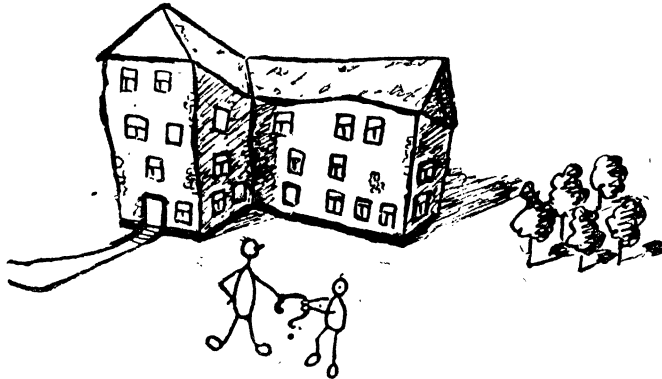

По горизонтали. 4. Горная дорога через хребет. 5. Стебелёк травы. 9. Персонаж романа «Три мушкетёра». 10. Крупная, сильная обезьяна семейства собакообразных. 11. Река в Северной Америке, слу-

жащая границей между США и Канадой. 15. Польский национальный танец.

По вертикали. 1. Прибор для определения тяжести. 2. Помещение между жилой частью загородного дома и крыльцом. 3. Боевая машина. 5. Нераспустившийся цветок. 6. Маленький хищный зверёк. 7. Места под земной поверхностью. 8. Объявление. 12. Мужское имя. 13. Кладь, товар, принимаемый для перевозки. 14. Постоянный естественный сток воды к морю, озеру.

ТИМ, ТАМ, ТОМ И ТУМ...

На рисунке — дом, в котором живут четыре друга.

Живут они на разных этажах. Там и Тум могут переговариваться, находясь каждый в своей комнате, так как каждый из них из своего окна видит окно друга. Но

Туму делать это удобнее, так как его окно на этаж выше.

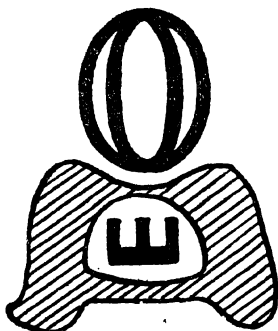
Зато Том видит, когда кто-нибудь из друзей подходит к дому...

Окно Тима выходит в парк.

На каком же этаже живёт каждый из друзей?

КАКОЕ СЛОВО?..

В этом ребусе зашифровано всего одно слово... Какое именно?

Проверь себя

(Ответы к «Искорке» № 4)

КРОССВОРД

По горизонтали. 5. Купе. 6. Репа. 7. Дух. 8. Цинк. 9. Игла. 10. Аллея. 13. Кофе. 14. Тире. 15. Гну. 16. Сани. 17. Руль.

По вертикали. 1. Сурик. 2. Редколлегия. 3. Архитектура. 4. Шпала. 11. Гопак. 12. Дрель.

НА ОДНУ ТЕМУ

Общее между нарисованными предметами в том, что в названии всех их — пять букв. И только ножницы не должны были попасть в ряд, их художник нарисовал ошибочно.

ИЗ КРАЙНИХ БУКВ

Слово силе воевода.

Содержание

Наш Первомай. Стихотворение Иосифа Курлата	1
Маленький Петров и капитан Колодкин: Продолжение повести Александра Крестинского	2
Небеса. Стихотворение Ник. Кутова	15
Стихи к мальчишкам. Весна. Ссора. Два лентяя. Стихи Л. Барбас	16
Схватка. Очерк В. Фарберова	18
Весеннее настроение. Стихотворение Семёна Когана . .	20
Партизанские тропы Бельгии. Очерк В. Дружинина	21
Пишут ребята Австралии. Подборка стихов австралийских детей	30
Подозрение. Рассказ Л. Шестакова	33
Мишка и Машка. Очерк А. Иванова	42
Пернатый десант. Очерк С. Славича	50
Письмо. Стихотворение Василия Фетисова	53
Флот всего мира. Статья Э. Миронова	54
Годы и дела пионерские. . .	60
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . .	63

На 1-й странице обложки рисунок художника Ю. Вочкарёва «Первомай».

На 2-й и 3-й страницах обложки фоторепортаж «Годы и дела пионерские».

На 4-й странице обложки рисунок художника П. Вискова «На земле Вьетнама».

Редактор В. Л. БИАНКИ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, В. Н. Суслов (редактор-составитель)

Адрес редакции: Ленинград, Д-23, Фонтанка, 59, комн. 115

Сдано в набор 18/III 1971 г. Подписано к печати 23/IV 1971 г. 4 п. л. М-35029 Зак. № 112. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата Ленинград, Фонтанка, 57

